

Совет Безопасности

Семьдесят второй год

Предварительный отчет

8090-е заседание

Вторник, 7 ноября 2017 года, 15 ч. 00 м.

Нью-Йорк

Председатель: г-н Карди

(Италия)

Члены:

Боливия (Многонациональное Государство)

г-н Инчаусте Хордан

Китай

г-н У Хайтао

Египет

г-н Абулатта

Эфиопия

г-н Алему

Франция

г-н Делятр

Япония

г-н Бэссё

Казахстан

г-н Садыков

Российская Федерация

г-н Сафронков

Сенегал

г-н Сек

Швеция

г-н Скау

Украина

г-н Ельченко

Соединенное Королевство Великобритании и

Северной Ирландии

г-н Аллен

Соединенные Штаты Америки

г-жа Хейли

Уругвай

г-н Росселли

Повестка дня

Положение на Ближнем Востоке

Письмо Генерального секретаря от 26 октября 2017 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/2017/904)

Письмо Генерального секретаря от 25 октября 2017 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/2017/905)

Письмо Генерального секретаря от 30 октября 2017 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/2017/916)

В настоящем отчете содержатся тексты выступлений на русском языке и тексты письменных переводов выступлений на других языках. Окончательный текст будет включен в *Официальные отчеты Совета Безопасности*. Поправки должны представляться только к текстам выступлений на языке подлинника. Они должны включаться в один из экземпляров отчета и направляться за подписью одного из членов соответствующей делегации на имя начальника Службы стенографических отчетов (Chief, Verbatim Reporting Service, room U-0506). Отчеты с внесенными в них поправками будут переизданы в электронной форме и размещены в Системе официальной документации Организации Объединенных Наций (<http://documents.un.org>).

17-36809 (R)

Документ
расширенного доступаПросьба отправить
на вторичную переработку

Заседание открывается в 15 ч. 05 м.

Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

Положение на Ближнем Востоке

Письмо Генерального секретаря от 26 октября 2017 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/2017/904)

Письмо Генерального секретаря от 25 октября 2017 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/2017/905)

Письмо Генерального секретаря от 30 октября 2017 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/2017/916)

Председатель (говорит по-английски): На основании правила 37 временных правил процедуры Совета я приглашаю принять участие в заседании представителя Сирийской Арабской Республики.

На основании правила 39 временных правил процедуры Совета я приглашаю принять участие в заседании следующих докладчиков: заместителя Генерального секретаря и Высокого представителя по вопросам разоружения г-жу Идзуми Накамицу и руководителя Совместного механизма по расследованию Организации по запрещению химического оружия-Организации Объединенных Наций г-на Эдмона Муле.

Совет Безопасности приступает к рассмотрению пункта своей повестки дня.

Я хотел бы обратить внимание членов Совета на документ S/2017/904, в котором содержится текст письма Генерального секретаря от 26 октября 2017 года на имя Председателя Совета Безопасности; документ S/2017/905, в котором содержится текст письма Генерального секретаря от 25 октября 2017 года на имя Председателя Совета Безопасности; и документ S/2017/916, в котором содержится текст письма Генерального секретаря от 30 октября 2017 года на имя Председателя Совета Безопасности.

Сейчас я предоставляю слово г-же Накамицу.

Г-жа Накамицу (говорит по-английски): Г-н Председатель, позвольте мне вновь поблагодарить Вас за предоставленную возможность провести для Совета Безопасности брифинг о ходе осуществления резолю-

ции 2118 (2013) по вопросу о ликвидации программы Сирийской Арабской Республики по химическому оружию. Как и всегда, я поддерживаю связь с Генеральным директором Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) в целях обсуждения вопросов, относящихся к этой теме. В преддверии этого брифинга вчера я говорила с ним. Кроме того, я получила обновленную информацию в письменном виде от Постоянного представительства Сирийской Арабской Республики при Организации Объединенных Наций.

По вопросу о ходе осуществления резолюции 2118 (2013) я могу довести до вашего сведения одно новое событие. Как известно Совету, два из 27 объектов по производству химического оружия, объявленных правительством Сирийской Арабской Республики, до сих пор не уничтожены. После продолжительной задержки, обусловленной обстановкой в области безопасности в этом районе, в настоящее время к этим двум стационарным наземным объектам обеспечен доступ. В настоящее время ОЗХО проводит осмотр этих двух объектов, с тем чтобы подтвердить их состояние. Это первый шаг в процессе проведения ОЗХО проверки уничтожения этих объектов.

Я с сожалением отмечаю, что давняя проблема, связанная со сделанным Сирией объявлением и последующими поправками к нему, сохраняется, несмотря на четвертый раунд консультаций высокого уровня, которые прошли в Гааге в сентябре. Как Генеральный директор заявил в своей последней ноте Исполнительному совету ОЗХО, ни информация, представленная в ходе консультаций, ни последние материалы, представленные Сирийской Арабской Республикой, не позволили решить все проблемы, связанные с пробелами, несоответствиями и расхождениями, выявленными в объявлении Сирии.

Усилиям по решению этих проблем препятствует отсутствие оригиналов исторических материалов, а также то, что Генеральный директор охарактеризовал как продолжающееся отсутствие

«возможности связаться и взаимодействовать со старшими руководителями/должностными лицами, обладающими всеобъемлющими знаниями о сирийской программе химического оружия» (S/2017/916, пункт 10).

Хотя принятие правительством Сирии решения заявить о дополнительных лабораториях и их помещениях в сирийском Центре научных изысканий

и исследований является позитивным шагом, ОЗХО по-прежнему считает, что заявление Центра является неполным.

Второго ноября миссия ОЗХО по установлению фактов в Сирийской Арабской Республике представила свой доклад о предполагаемом случае применения химического оружия в Лтамене 30 марта. В прошлом месяце Генеральный директор сообщил о том, что экологические пробы, предоставленные сотрудникам миссии по установлению фактов и предположительно связанные с инцидентом, произошедшим в Лтамене 30 марта, указывают на наличие зарина. В докладе миссии по установлению фактов указано, что ввиду ограниченного характера некоторых доказательств миссия не смогла с полной уверенностью установить применение химического оружия.

Тем не менее миссия по установлению фактов сумела установить наличие зарина в пробах, отобранных в предполагаемом месте инцидента; соответствие симптомов, которые наблюдались у пострадавших, доставленных из того места и в то время, а также методов их лечения утверждению о поражении заринном; и соответствие частей боеприпасов, полученных из предполагаемого места инцидента, утверждению о применении химического оружия. Таким образом, миссия по установлению фактов смогла сделать вывод о том, что с крайне высокой долей вероятности в рамках этого инцидента зарин был применен. МУФ продолжает свою работу по проверке других сообщений о применении химического оружия в Сирийской Арабской Республике.

Эти последние выводы МУФ вызывают глубокую озабоченность, тем более с учетом того, что мандат Совместного механизма ОЗХО-Организации Объединенных Наций по расследованию истекает 16 ноября. Продолжают поступать сообщения о применении химического оружия в Сирии, и сохраняется необходимость выявления и привлечения к ответственности виновных в его применении. Единство Совета будет необходимо, чтобы не допускать безнаказанности за применение этого чудовищного вида оружия. Как и прежде, Управление Организации Объединенных Наций по вопросам разоружения готово оказывать всяческую поддержку и помощь в нашей совместной работе по восстановлению универсальных норм, запрещающих химическое оружие, и укреплению более широкого режима нераспространения.

Председатель (*говорит по-английски*): Я благодарю г-жу Накамицу за ее брифинг.

Сейчас я предоставляю слово г-ну Муле.

Г-н Муле (*говорит по-английски*): Благодарю Вас, г-н Председатель, за возможность представить седьмой доклад Руководящей группы Совместного механизма по расследованию Организации по запрещению химического оружия-Организации Объединенных Наций (S/2017/904, приложение). Вместе со мной работают г-жа Джуди Ченг-Хопкинс и г-н Штефан Могль. Мы втроем составляем Руководящую группу.

Как известно членам Совета, утвержденный Советом Безопасности мандат Механизма заключается в выявлении в максимально возможной степени лиц, организаций, групп или правительств, которые являются исполнителями, организаторами, спонсорами или каким-либо иным образом причастны к использованию химических веществ в качестве оружия в Сирийской Арабской Республике. Механизм не является судебным органом; это механизм по расследованию, который подотчетен Совету Безопасности. Несмотря на весьма реальные трудности с расследованием сложных дел в условиях продолжающегося вооруженного конфликта, были предприняты огромные усилия для обеспечения того, чтобы методология и выводы Механизма были технически и научно обоснованными.

В докладе содержатся выводы в отношении, во-первых, применения сернистого иприта в Умм-Хоше 15 и 16 сентября 2016 года, и, во-вторых, применения зарина в Хан-Шейхуне 4 апреля 2017 года. Выводы Руководящей группы были сделаны на основании всей совокупности информации и доказательств, полученных Механизмом, о чем говорится в докладе и приложениях к нему.

Руководящая группа установила, что за применение сернистого иприта в Умм-Хоше ответственность несет «Исламское государство Ирака и Леванта», а за применение зарина в Хан-Шейхуне — Сирийская Арабская Республика. Прежде чем вдаваться в подробности относительно этих выводов, я хотел бы потратить несколько минут на описание методологии Механизма.

При сборе, анализе и оценке информации Механизм руководствовался утвержденным Советом Безопасности кругом ведения, а также методами работы, изложенными в его предыдущих докладах. Он про-

водил свою работу на независимой, беспристрастной и профессиональной основе. Формулируя свои выводы в отношении ответственности, Руководящая группа руководствовалась критериями доказательности, изложенными в ее первом докладе (S/2016/142, приложение). В данном случае Руководящая группа определила, что имеются достаточные достоверные и надежные доказательства для формулирования своих выводов, касающихся сторон, причастных к применению химического оружия в каждом случае.

В соответствии со своим мандатом Механизм в каждом случае использовал в качестве отправной точки выводы о применении химического оружия, сделанные миссией Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) по установлению фактов (МУФ), а затем активно собирал дополнительную информацию в отношении каждого инцидента. Он применял одну и ту же методологию в обоих случаях и осуществлял тщательный независимый анализ имеющихся сведений. При этом им рассматривались возможные варианты того, как эти инциденты могли произойти, в том числе те, которые были предложены государствами-членами. В отношении инцидента в Хан-Шейхуне Механизм рассмотрел восемь сценариев; в отношении Умм-Хоша было рассмотрено четыре сценария. Эта методология позволила Механизму рассмотреть все возможные варианты и провести тщательное, беспристрастное и объективное расследование.

В ходе расследования инцидентов в Умм-Хоше и Хан-Шейхуне Механизм собрал информацию из широкого круга источников. В ответ на запросы о предоставлении информации 12 государств-членов, в том числе Сирийская Арабская Республика, предоставили данные, касающиеся конкретных обстоятельств дела. Помимо лиц, опрошенных МУФ, сотрудники Механизма опросили более 30 свидетелей, а также собрали и проанализировали 2247 фотографий, 1284 подборки видеоматериалов, 120 аудиофайлов и 639 документов, большинство из которых требовали перевода. Я посетил Дамаск в августе. Технические группы в сентябре посетили Дамаск, а в октябре — авиабазу «Шайрат». Кроме того, технические группы дважды посещали одну из соседних стран для опроса свидетелей и сбора материалов.

Я хотел бы упомянуть, что Сирийская Арабская Республика конструктивно сотрудничала с Механизмом. Сирийская Арабская Республика оказывала всяческое содействие и помощь в удовлетворении

просьб Механизма о предоставлении доступа к информации и свидетелям. Сирийская Арабская Республика также представила доклады о результатах своих собственных технических расследований в связи с инцидентами, которые были тщательно проанализированы Механизмом.

В ходе поездки на авиабазу «Шайрат» Механизм преследовал ряд целей, в том числе проверить подлинность журналов учета и записей полетных операций от 4 апреля 2017 года; ознакомиться с записями о въезде и выезде и побеседовать с ответственными сотрудниками; сфотографировать виды боеприпасов, перевезившихся воздушным путем 4 апреля 2017 года в соответствии с полученными записями; и сфотографировать механизмы, использовавшиеся для установки таких боеприпасов на самолетах «Сухой» (Су-22).

Сбор проб на военно-воздушной базе не был целью поездки. Механизм пришел к выводу, что, если с этой базы был перевезен самолетом только один химический боеприпас, то мало шансов найти какие-либо следы зарина или продукты его распада без конкретной информации о том, где следует брать пробы. Площадь авиабазы «Шайрат» составляет примерно 10 квадратных километров, что соответствует площади 900 футбольных полей.

Члены Механизма не посещали места инцидентов в Умм-Хоше и Хан-Шейхуне. Хотя посещение этих мест, в частности Хан-Шейхуна, могло оказаться полезным, поездка в Хан-Шейхун была бы слишком опасной, поскольку он находится в ситуации вооруженного конфликта и контролируется террористической организацией Фронтом «Ан-Нусра». В ответ на просьбу о проведении оценки ситуации в плане безопасности в отношении возможной поездки в Хан-Шейхун Департамент по вопросам охраны и безопасности Организации Объединенных Наций сообщил о таких проблемах, как непрямой артиллерийский огонь и периодически наносимые воздушные удары. Кроме того, Департамент по вопросам охраны и безопасности сообщил, что, даже если в результате переговоров с вооруженными группами, контролирующими этот район, удастся достичь какой-либо договоренности о получении доступа, в любом случае будут сохраняться риски в плане безопасности. Несмотря на возможную пользу поездок на места, Руководящая группа пришла к выводу, что Механизм собрал достаточную информацию для того, чтобы сделать заключение по обоим делам.

Весьма важным источником информации были свидетели. Что касается Умм-Хоша, то опрошенные сотрудниками Механизма свидетели включали жертв нападения, журналистов, присутствовавших в период непосредственно после нападения, врачей, которые лечили пострадавших, и командиров негосударственных вооруженных групп. Что касается инцидента в Хан-Шейхуне, то свидетели включали жителей, персонал авиабазы «Шайрат», правительственных чиновников, врачей, которые лечили пострадавших, спасателей и командиров негосударственных вооруженных групп.

Механизм также получил результаты независимого экспертного анализа и оценки. Он задействовал несколько международно признанных судебно-медицинских учреждений и учреждений из специализированных оборонных отраслей, а также назначенные ОЗХО лаборатории для проведения судебно-медицинской экспертизы в ходе расследований. Все эти органы были отобраны с учетом их независимого характера, богатого опыта и того, что они уже отлично проявили себя в этой сфере. Судебно-экспертные учреждения и назначенные ОЗХО лаборатории аккредитованы в соответствии с международными стандартами. Они привлекались Механизмом для установления подлинности фотографий и видеоматериалов, проверки времени и места, где они были сделаны, предоставления независимых экспертных оценок и имитационных моделей в отношении изображенных предметов, а также проведения химического синтеза и анализа. Механизм также проконсультировался с рядом международно признанных экспертов в области энергетических материалов и изучения биологического воздействия боевых отравляющих веществ.

Что касается Умм-Хоша, то был проведен экспертный анализ места применения, использовавшихся боеприпасов, их траектории и возможного способа их доставки, а также биологического воздействия на жертв. В связи со случаем в Хан-Шейхуне был проведен экспертный анализ характера шлейфов, вызванных взрывами, характеристик воронки и их возможных причин, остатков боеприпасов, дисперсии зарина, количества использованных взрывчатых веществ и биологического воздействия.

Механизм заказал проведение углубленный лабораторный анализ химического состава зарина. Цель этого анализа заключалась в установлении возможной связи зарина, обнаруженного в Хан-Шейхуне, с

химическими веществами из первоначальных запасов Сирийской Арабской Республики. Механизм направил пробы, полученные ОЗХО в 2014 году из запасов Сирийской Арабской Республики, в назначенные ОЗХО лаборатории. Анализ показал, что образцы из Хан-Шейхуна соответствуют конкретному химическому веществу из арсеналов Сирийской Арабской Республики, требующемуся для производства зарина. Данное химическое вещество — прекурсор зарина и называется *DF*.

Как я уже говорил ранее, Механизм работает в нетрадиционных условиях. Он не обладает судебными полномочиями и не может потребовать представления ему информации или документов. Вместо этого он опирается на добровольное сотрудничество свидетелей и лиц, обладающих соответствующей информацией. Механизм проводит перекрестные проверки заявлений свидетелей и стремится убедиться, что собранная информация является достоверной и надежной, используя средства проверки и подтверждения информации, а также другие меры контроля качества. При оценке информации Механизм последовательно и тщательно изучал источник информации и проверял, существуют ли факторы, которые могут повлиять на ее надежность, например, основана ли информация на личном опыте участия в тех или иных событиях или на слухах, а также имеются ли сомнения относительно цепи обеспечения сохранности доказательств.

В случае подтверждения информации, считавшейся важной для расследования, Механизм уделял особое внимание возможному перекрестному цитированию недостоверной информации, стремясь обеспечить перепроверку на основе независимых источников информации. Задавались вопросы по поводу возможных мотивов применения химического оружия в каждом конкретном случае. Руководящая группа отметила, что выдвижение гипотез не помогает проведению расследования, и вместо этого сосредоточила основное внимание на технических вопросах.

Позвольте мне теперь перейти к выводам Руководящей группы по этим двум случаям. Было установлено, что 15 и 16 сентября 2016 года две женщины подверглись воздействию сернистого иприта в Умм-Хоше. Минометный снаряд, содержащий сернистый иприт, попал в дом одной из потерпевших, которая вместе со своей соседкой подверглась воздействию химического вещества, пытаясь очистить

стены своего дома от некоего вещества черного цвета. Второй минометный снаряд, содержащий сернистый иприт, был обнаружен застрявшим в дорожном покрытии. Характер повреждений, нанесенных дому потерпевшей, указывает на то, что минометный снаряд, причинивший эти повреждения, был выпущен из точки, находившейся к юго-востоку от места попадания. Было установлено, что точка запуска второго минометного снаряда, обнаруженного в дорожном покрытии, находилась к востоку или юго-востоку от места падения.

Механизм установил, что 15 и 16 сентября 2016 года Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ) проводило боевые операции против сил обороны Сирии в окрестностях Умм-Хоша. Было также установлено, что силы ИГИЛ находились с трех сторон от Умм-Хоша, а именно к востоку и юго-востоку от деревни, и именно оттуда, согласно оценкам, были выпущены минометные снаряды, содержавшие химические вещества. С учетом расположения позиций ИГИЛ и итогов криминалистической экспертизы, установившей, что минометный снаряд был выпущен со стороны районов, удерживаемых ИГИЛ, Руководящая группа выражает уверенность в том, что ответственность за использование минометных снарядов, снаряженных сернистым ипритом несет ИГИЛ.

Что касается случая в Хан-Шейхуне, то утром 4 апреля 2017 года произошел инцидент с использованием зарина, в результате которого погибли около 100 человек в Хан-Шейхуне, и пострадало еще 200 человек, выживших, но ставших жертвами острого отравления. В ходе проведения своего расследования с целью выявления лиц, несущих ответственность, Механизм рассмотрел восемь возможных версий, в том числе версию, согласно которой данный инцидент мог быть инсценирован в попытке возложить ответственность на правительство Сирийской Арабской Республики. Механизм провел тщательное расследование факторов, которые могли бы указывать на каждую из версий. При этом он собирал и внимательно изучал информацию из широкого ряда источников. Хотя по итогам изучения воронки экспертами нельзя исключать того, что она могла возникнуть в результате использования какого-либо иного средства помимо авиабомбы, Механизм не нашел никаких доказательств того, что этот инцидент был инсценирован — и когда я говорю «никаких» именно это я и имею в виду. В ходе расследования были обнаружены

некоторые нестыковки и несоответствия, и они были тщательно изучены и подробно описаны в приложении к докладу. Вместе с тем их характер не заставил Руководящую группу изменить свою оценку.

Помня о сложности дела и поляризованной политической обстановке вокруг расследования, Механизм занимался активным поиском объективных источников доказательств того, что произошло в Хан-Шейхуне 4 апреля. К их числу относятся: полученные из двух разных источников видеозаписи, сделанные тем утром, на которых видна серия взрывов по всему Хан-Шейхуну и котеры, как подтвердили судебные эксперты, являются подлинными, не подвергались манипуляциям и были сделаны в период с 06 ч. 42 м. и 06 ч. 52 м. 4 апреля в Хан-Шейхуне; спутниковые снимки воронки и прилегающей к ней территории до и после инцидента; видеозаписи и фотографии воронки, которые, по оценке судебно-медицинского учреждения, были сделаны в период с 08 ч. 04 м. до 09 ч. 17 м., а также химический анализ проб зарина, которые были получены Миссией ОЗХО по установлению фактов как у правительства Сирийской Арабской Республики, так и у неправительственных организаций.

Механизм аккуратно сложил элементы сложной головоломки, некоторые части которой до сих пор отсутствуют. Например, он не смог с уверенностью установить, что самолет, с которого была сброшена химическая бомба, взлетел с авиационной базы Шайрат, или определить тип летательного аппарата. Однако те части этой головоломки, которые удалось обнаружить и соединить друг с другом, проливают свет на некоторые важные элементы.

Боеприпасы были сброшены на Хан-Шейхун с самолета между 06 ч. 30 м. и 07 ч. 00 м. этого дня. В это время свидетели видели и слышали самолет, а двое из них даже сделали видеозаписи, на которых видно несколько дымовых шлейфов от взрывов в Хан-Шейхуне этим утром именно в этот период времени. Криминалистическая экспертиза подтвердила, что в фоновых звуках на этих видеоматериалах можно различить шум самолетов и звуки взрывов. В период между 6 ч.30 м. и 7 ч.00 м. самолеты Сирийской Арабской Республики находились в непосредственной близости от Хан-Шейхуна. Это было установлено благодаря информации, предоставленной самой Сирийской Арабской Республикой, а также некоторыми другими источниками. Воронка, из ко-

торой выходил зарин, появилась 4 апреля. Это было зафиксировано спутниковыми изображениями.

Как было установлено в ходе экспертного анализа, воронка, по всей вероятности, появилась в результате взрыва авиационной бомбы, двигавшейся на высокой скорости. К такому аналитическому заключению пришли представители трех независимых, признанных на международном уровне учреждений, специализирующихся в области криминалистической экспертизы, обороны и безопасности, а также два независимых эксперта по энергетическим материалам. Несмотря на то, что они полностью не исключают возможность появления воронки в результате иного воздействия, по их словам, вероятность этого крайне невелика, учитывая характер повреждений вокруг воронки.

Эксперты изучили возможность появления такой воронки в результате действия самодельного взрывного устройства (СВУ). По их оценкам, для образования воронки такого размера потребовалось бы 10 кг взрывчатого вещества в тротиловом эквиваленте, но в целом они исключили этот вариант на том основании, что взрыв такой силы причинил бы гораздо больший ущерб по сравнению с тем, который отмечался в районе. Кроме того, эксперты отметили, что выступающий из воронки металлический объект, который, согласно оценкам, соответствует материалу тонкостенной химической авиационной бомбы, имеет слишком большой размер и расположен слишком глубоко, чтобы считать сценарий с использованием СВУ вероятным. Большое количество пострадавших от действия зарины 4 апреля и тот факт, что, по некоторым сообщениям, зарин все еще регистрировался на месте воронки спустя 10 дней после инцидента, свидетельствуют о значительном объеме высвобожденного газа, что соответствует версии о его распространении в результате действия химической авиационной бомбы.

Наконец, расширенное лабораторное исследование химического состава зарины показало, что использованный в Хан-Шейхуне газ с высокой долей вероятности был получен из прекурсора, идентичного тому, который использовался в первоначальных запасах Сирийской Арабской Республики. Этот прекурсор, известный под названием «DF», является одним из ключевых элементов бинарного зарины — газа того типа, который применялся в Хан-Шейхуне. Этот вывод основан на наличии уникальных химических маркеров, которые были обнаружены специалистами

лабораторий ОЗХО в образцах из Хан-Шейхуна, предоставленных Миссии по установлению фактов как правительством Сирийской Арабской Республики, так и неправительственными организациями. Те же самые химические маркеры были обнаружены в образцах DF из первоначального запаса Сирийской Арабской Республики и в зарине, полученном из того же прекурсора DF. Очень трудно получить бинарный зарин с тем же составом химических маркеров, даже когда он точно известен. Кроме того, в результате расширенного лабораторного исследования был раскрыт производственный процесс получения прекурсора DF. Для такого процесса требуются высококвалифицированные кадры и трудоемкая работа, что указывает на его осуществление в условиях химического завода.

Руководящая группа уверена, что в своей совокупности все эти признаки однозначно указывают на то, что ответственность за применение зарины в Хан-Шейхуне 4 апреля несет Сирийская Арабская Республика. Об этом свидетельствуют присутствие самолета в воздухе в соответствующее время; наличие воронки; тот факт, что появление воронки, скорее всего, было вызвано действием двигающейся с высокой скоростью авиационной бомбы; большое число пострадавших от зарины утром того дня; обнаружение зарины внутри воронки и вокруг нее; и образцы зарины, взятые из воронки, которые, как было обнаружено, содержат уникальные маркеры, совпадающие с прекурсорами из запасов Сирийской Арабской Республики.

Что касается ответственности Сирийской Арабской Республики, то Механизм не выявил конкретных субъектов в правительстве и институтах Сирийской Арабской Республики, виновных в произошедшем. Судя по характеру и материально-технической обеспеченности операции, в ней должны были участвовать целый ряд субъектов из различных областей.

Международное сообщество добилось важного прогресса, запретив химическое оружие во всех его формах. Когда, вопреки такому запрету, химическое оружие было применено, Совет учредил Механизм в целях установления виновных. Механизм выполнил свой мандат в отношении инцидентов в Умм-Хоше и Хан-Шейхуне. Теперь Совет Безопасности должен принять решение по последующим шагам. Я прошу Совет при этом также принимать во внимание жертв этих отвратительных актов.

Построение мира, свободного от химического оружия, является первоочередной задачей, требую-

щей принятия конкретных и совместных действий. В этой связи Совет Безопасности несет особую ответственность, в том числе за сдерживание всех тех, кто по-прежнему считает, что из применения такого оружия можно извлечь некую выгоду. Я понимаю, что ситуация в Сирийской Арабской Республике связана с решением политических вопросов. Однако в данном случае речь идет не о политическом вопросе, а о вопросе жизни и смерти ни в чем не повинных гражданских лиц. Безнаказанность не должна возобладать. Международное сообщество должно предусмотреть эффективные способы обеспечения быстрого реагирования на любые случаи применения химического оружия в будущем, включая террористические акты с применением химического оружия.

Международное сообщество, включая Совет Безопасности, решительно осуждает любое применение химического оружия кем бы то ни было и при любых обстоятельствах. И вместе с тем сегодня, в день моего брифинга в Совете, мы получили еще одно заключение ОЗХО о применении зарина в Латамне в Сирийской Арабской Республике.

Как я уже говорил в Совете в июле, я надеюсь, что вместе мы сможем положить конец применению такого оружия раз и навсегда. Мы не можем допустить, чтобы успехи международного сообщества были подорваны. Давайте двигаться вперед, проявляя гуманность и все большую коллективную приверженность делу, с тем чтобы прекратить применение химического оружия.

Председатель (*говорит по-английски*): Я благодарю г-на Муле за его брифинг.

Сейчас я предоставляю слово членам Совета, желающим выступить с заявлениями.

Г-жа Хейли (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я благодарю г-жу Накамицу за ее сегодняшний брифинг.

Я хотела бы особо отметить выступление г-на Муле и поблагодарить его за присутствие. Одного взгляда на его послужной список достаточно, чтобы понять, что он по праву занимает пост руководителя Совместного механизма по расследованию Организации по запрещению химического оружия — Организации Объединенных Наций (СМР). Он сделал блестящую карьеру на государственной службе в своей родной стране Гватемале. Он был помощником Генерального секретаря по операциям по

поддержанию мира и Специальным посланником в Гаити. Его внушительный перечень ученых званий впечатляет. Иными словами, г-н Муле — опытный, профессиональный и независимый специалист — под стать тому учреждению, которое он возглавляет. Все эти качества нашли свое отражение в последнем докладе СМР (S/2017/904, приложение).

Наши друзья из России настаивают на необходимости отложить важнейшее решение о продлении функционирования СМР до тех пор, пока мы не обсудим этот доклад. Они говорят нам о том, что хотят найти виновных в нападениях с применением химического оружия в Сирии. Россия подтвердила это намерение, когда голосовала за создание СМР в 2015 году и за продление его функционирования в 2016 году. Мы разделяем это стремление найти ответы, поэтому позвольте мне попытаться решить вопросы, вызывающие у них беспокойство.

СМР выполнил свой мандат по установлению виновных в совершении нападений с применением химического оружия в Сирии. Он подготовил доклад, в котором содержится вывод о том, что режим Асада несет ответственность за нападение с применением газа зарин, совершенное 4 апреля в Хан-Шейхуне. Кроме того, в докладе содержится вывод о том, что «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) несет ответственность за нападение с применением сернистого иприта, совершенное в сентябре 2016 года в Умм-Хоше. Наши российские друзья говорят нам, они хотят удостовериться в том, что доклад и сама по себе работа СМР отличаются профессионализмом и беспристрастностью. Я опять же согласна с ними.

В своем докладе СМР не только называет тех, кто стоит за нападениями с применением химического оружия, он и объясняет, каким образом он пришел к своим выводам. В нем очень подробно разъясняется, как Группа проводила это сложнейшее расследование. И, как и положено любой независимой группе экспертов, она отмечает любые несоответствия, обнаруженные в сведениях, полученных в ходе расследования. В докладе эти факты полностью изложены, но сделан и вывод о том, что они не ставят под сомнение результаты расследования.

Россия упорно заявляла о том, что она будет готова вернуться к вопросу о продлении мандата СМР после опубликования его последнего доклада. «Дайте нам больше времени», — говорили они две недели назад. «Дайте нам время до 7 ноября», — го-

ворили они, защищая один из самых кровавых режимов от ответственности за его действия. Седьмое ноября — сегодня.

В прошедшие дни мы пытались договориться с нашими друзьями из России и добиться единогласного продления мандата. Мы внимательно выслушали озабоченности России по поводу методологии и поездок на места, хотя большинство членов Совета их не разделяют. Со многим мы можем согласиться. Мы можем согласиться усилить формулировки, касающиеся применения химического оружия террористами. Мы можем отметить и то, что все стороны должны содействовать следователям в доступе в те районы в Сирии, которые имеют отношение к их расследованию, и подчеркнуть необходимость самых высоких стандартов и надежных доказательств для каждой атрибуции. В этих вопросах мы хотим сотрудничать с Россией и найти точки соприкосновения. Все они отражены в предложенном Россией проекте резолюции. И в знак доброй воли и стремления к консенсусу мы можем все их принять. Мы сказали об этом нашим российским друзьям и намерены распространить текст нашего заявления сегодня во второй половине дня.

Однако мы не можем включить в проект резолюции формулировки, которые оградят сирийцев от расследования или от вывода о том, что они применяли химическое оружие. Разобраться с этим — дело исключительно Сирии и России. Тем не менее, хотя после ее вето по предложенному две недели назад проекту резолюции мы продолжаем взаимодействовать с Россией на двусторонней основе и прилагаем все усилия для того, чтобы снять ее опасения, наши российские друзья по-прежнему проталкивают неприемлемые формулировки, предназначенные исключительно для того, чтобы сорвать работу следователей и расколоть Совет.

Группа экспертов, созданная Советом для расследования этих страшных нападений в Сирии, свою работу сделала. Теперь свою работу должны сделать мы. Начиная с 2012 года из Сирии поступили сотни сообщений о применении химического оружия. И это не то, от чего можно отвернуться. Нас тревожит не ИГИЛ или сирийский режим, или кто-то еще. Здесь речь идет о сирийцах и об их защите. Обеспечить выявление виновных и их привлечение к ответственности необходимо для того, чтобы положить конец применению химического оружия. Совет создал соответствующий инструмент, Совместный механизм по расследованию, чтобы сделать именно это. Теперь

Совет должен единогласно продлить мандат СМР, чтобы он мог продолжать свою крайне важную работу еще хотя бы год.

Аргументы в пользу продления мандата СМР очевидны. Его последний доклад эти аргументы только подкрепляет, и мы должны обеспечить непрерывность его работы. В прошлом году задержка с продлением мандата СМР обошлась нам почти в шесть месяцев его работы. Мы не можем позволить себе такие потери и в этом году, когда у нас есть доказательства того, что в Сирии продолжает применяться химическое оружие. К сожалению, инцидентов, требующих расследования, у СМР достаточно. Только на прошлой неделе Миссия Организации по запрещению химического оружия по установлению фактов пришла к выводу, что химическое оружие, а именно зарин, применялось при нападении, которое имело место 30 марта и в результате которого пострадали более 70 человек. Этот инцидент имеет все признаки атаки в Хан-Шейхуне, которая последовала всего несколько дней спустя. Я отчетливо помню лица убитых детей Хан-Шейхуна. Я помню то возмущение, которое выразил Совет. В 2015 году Совет сплотился в редкий момент единства, чтобы выявить тех, кто применил химическое оружие, и предотвратить повторение таких варварски актов в будущем. Результатом этого редкого единства стал СМР — наиболее эффективный инструмент в нашем распоряжении, позволяющий добиться того, чтобы ни одному человеку, ни одной группе или режиму не было позволено безнаказанно совершать нападения с применением химического оружия.

СМР прекратит свою работу всего через 10 дней, и у Совета Безопасности сегодня не может быть более важной задачи, чем обеспечить дальнейшую работу Совместного механизма по расследованию. Любой, кто мешает нам достичь этой цели, является пособником тех, кто применяет химическое оружие в Сирии. Из-за их пособничества женщины и дети снова будут не просто умирать, но умирать самой жестокой и мучительной смертью. Но мы все-таки лучше. Должны быть лучше. И пришло время показать это всему миру. Я призываю Совет Безопасности немедленно принять меры для возобновления мандата Совместного механизма по расследованию.

Г-н Ельченко (Украина) *(говорит по-английски)*: Я благодарю заместителя Генерального секретаря Идзуми Накамицу и главу Совместного механиз-

ма Организации по запрещению химического оружия — Организации Объединенных Наций по расследованию (СМР) Эдмона Муле за их брифинги по вопросу о сирийском химическом оружии. Мы особенно приветствуем представленный седьмой доклад СМР (S/2017/904, приложение), в котором содержатся предельно ясные выводы о том, кто несет ответственность за два нападения с применением химического оружия в Сирии, а именно за нападения в Умм-Хоше и в Хан-Шейхуне.

Украина высоко оценивает усилия СМР по проведению беспристрастного, объективного и независимого расследования. Мы полностью осознаем те огромные трудности, с которыми Механизм сталкивается в своей работе, учитывая многочисленные политические соображения и согласованные усилия некоторых стран защитить тех, кто несет ответственность за организацию и совершение страшных преступлений с применением химического оружия.

Мы также принимаем к сведению сорок девятый ежемесячный доклад (S/2017/916, приложение) Генерального директора Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) о ходе выполнения резолюции 2118 (2013). Украина одобряет постоянное конструктивное взаимодействие между миссиями ОЗХО и СМР и полностью доверяет их опыту и профессионализму.

Сегодня, спустя 20 лет после вступления в силу Конвенции по химическому оружию (КХО), она широко признана как первый многосторонний документ, который запрещает целый класс оружия массового уничтожения и вводит механизмы его строгого международного контроля и проверки соблюдения Конвенции. Установив новые стандарты в области глобального разоружения и нераспространения и в области оказания помощи и предоставления защиты от химического оружия, Конвенция внесла весомый вклад в дело укрепления международного мира и безопасности. Когда-то у нас был широкий международный консенсус в отношении того, что применение химического оружия не может быть допустимо ни при каких обстоятельствах. Похоже, что его больше нет. Продолжаются попытки подорвать роль и статус Конвенции по химическому оружию (КХО), которая является уникальным примером сочетания политической воли и здравого смысла. На сегодняшний день пострадавшим от применения химического оружия в Сирии в правосудии отказано.

Я хочу напомнить, что безнаказанность за нарушение Конвенции по химическому оружию подрывает авторитет Совета Безопасности, который имеет в своем распоряжении все необходимые инструменты для того, чтобы реагировать на такие преступления самым решительным образом. Потенциальные риски и угрозы, которые могут возникнуть в результате бездействия Совета в этом вопросе, весьма серьезны и способны привести к очень серьезным последствиям и за пределами Сирии. Мы должны неусыпно следить за теми, кто готов без колебаний применять оружие массового уничтожения.

Те, кто защищает виновных в применении химического оружия, манипулируя очевидными фактами, пытаются дискредитировать независимые международные организации и создают абсолютно надуманные препятствия, мешающие этим организациям продолжать свою работу. Все это стало отличительной чертой позиции, которую заняла Российская Федерация в этом вопросе. Более того, хроническая неспособность Совета отреагировать на применение химического оружия невольно усугубляет и ситуацию на местах, которая остается глубоко тревожной.

Во-первых, уже подтверждено, что «Исламское государство Ирака и Леванта» обладает химическим оружием и неоднократно его применяло. Во-вторых, сирийское правительство по сей день не представило полную и достоверную информацию о своей программе химических вооружений, что является явным нарушением и КХО, и резолюций 2118 (2013) и 2235 (2015). В-третьих, поступают многочисленные сообщения о возможном незаконном хранении и перемещении токсичных химических веществ в Сирии и об их применении в качестве оружия.

Именно поэтому сохраняющаяся угроза применения химического оружия в Сирийской Арабской Республике требует самых решительных и срочных мер. Подвергать сомнению авторитет и добросовестность Миссии по установлению фактов и доклада СМР на фоне столь опасного развития событий — это крайняя неосмотрительность и абсолютная безответственность. Главной проблемой сегодня являются подтвержденные вопиющие нарушения Конвенции по химическому оружию и ряда резолюций Совета. Вопрос об обеспечении ответственности тех, чья вина в применении химического оружия установлена, имеет принципиальное значение для всего международного сообщества.

С учетом твердой позиции Совета Безопасности, согласно которой применение химического оружия является вопиющим нарушением норм международного права, мы считаем, что Совет должен продемонстрировать такое же единство в отношении привлечения виновных к ответственности, что позволит предотвратить новые преступления и устранить химическую угрозу в регионе. Убеждены в том, что для достижения этой цели мы должны позволить Совместному механизму по расследованию продолжить свою важную работу. Поэтому нам необходимо продлить мандат Механизма без каких-либо дальнейших задержек. В этой связи мы полностью поддерживаем соответствующий проект резолюции, представленный Соединенными Штатами, в качестве сбалансированного компромиссного документа.

Г-н Делятр (Франция) (*говорит по-французски*): Прежде всего я хотел бы поблагодарить заместителя Генерального секретаря по вопросам разоружения г-жу Идзуми Накамицу и г-на Эдмона Муле за их весьма содержательные брифинги и выдающуюся работу.

Несколько дней назад в докладе Совместного механизма по расследованию Организации по запрещению химического оружия — Организации Объединенных Наций (S/2017/904, приложение) была установлена ответственность сирийского режима за совершение нападения с применением химического оружия в Хан-Шейхуне в апреле 2017 года и ответственность ДАИШ за инцидент в Умм-Хоше в сентябре 2016 года. Выводы доклада очевидны и недвусмысленны. Они согласуются с оценкой, опубликованной Францией в апреле в связи с нападением в Хан-Шейхуне. От имени Франции я с удовлетворением отмечаю исключительный профессионализм сотрудников Механизма, которые максимально добросовестно выполняют свою работу в условиях полной независимости.

Как мы знаем, установленные факты носят крайне серьезный характер. Тем, у кого имеются сомнения, я хотел бы напомнить, что еще четыре года назад независимые механизмы по расследованию пришли к аналогичным выводам. Совместный механизм по расследованию уже подтверждал ответственность сирийского режима и ДАИШ за нападения, совершенные в 2014 и 2015 годах. Сегодня Механизм вновь имел возможность однозначно заявить об ответственности сторон за расследуемые нападения после проведения процесса, результаты которого невозможно оспорить.

Объективная оценка фактов свидетельствует о том, что режим в Дамаске никогда в полной мере не выполнял свои международные обязательства, несмотря на заявленную приверженность. Из месяца в месяц Организация по запрещению химического оружия продолжает информировать нас о «серых зонах» в заявлении Сирии от 2013 года относительно своих запасов химического оружия. Сомнения, касающиеся утверждений сирийского режима, подчеркивают цинизм и двуличность Дамаска. Этот режим сотрудничает с механизмами по расследованию таким образом, который позволяет ему, как минимум, лгать о характере своих запасов, а также, что самое страшное, продолжать осуществлять программу химического оружия. Более того, режим без колебаний применил такое оружие против собственного народа. Как и многие другие подобные события, массовая расправа в Хан-Шейхуне стала для нас трагическим напоминанием об этом. Механизм лишь пролил свет на ответственность режима за эти действия точно так же, как он подтвердил, что химический терроризм стал реальностью.

Сейчас, когда истина четко установлена и никто больше не может ссылаться на отсутствие информации, наш коллективный долг состоит в том, чтобы выявить и наказать тех, кто несет ответственность за эти вопиющие акты. В Сирии не может быть установлен прочный мир, если там не будет покончено с безнаказанностью. За пределами Сирии все понимают, что на карту поставлено будущее международного режима нераспространения. Хотя в работе международных режимов нераспространения не было достигнуто таких же больших успехов, как в предыдущие десятилетия, мы не можем допустить того, чтобы наиболее эффективные из них, в частности режим нераспространения химического оружия, были подорваны в результате разногласий и манипуляций. Это создаст опасный прецедент для других режимов нераспространения и станет безответственным шагом, за который мы все заплатим высокую цену. Применение химического оружия кем бы то ни было является аморальным и гнусным актом, который идет вразрез с основополагающими принципами гуманности; закрыв глаза и смирившись с использованием химического оружия в Сирии, не приняв никаких ответных мер, мы дадим карт-бланш и «зеленый свет» распространению и применению такого оружия в других местах и создадим плодородную почву для химического терроризма, которого все мы боимся.

В рамках совместной инициативы России и Соединенных Штатов мы создали Совместный механизм по расследованию, с тем чтобы преодолеть наши политические разногласия и установить истину. Мы преследовали именно такую цель. Давайте же не будем уклоняться от выполнения наших обязанностей и обязательств сейчас, когда пробил час истины. Механизм — это не орудие в руках Запада. Он работает на благо всего международного сообщества, и мы обязаны укрепить его. Это означает, что Механизм не может и не должен быть заложником политических разногласий или, что еще хуже, тактических игр. Ослаблять Механизм — значит играть с огнем и ставить под угрозу режим нераспространения химического оружия, который мы строили сообща, шаг за шагом. Механизм должен получить возможность продолжить свою деятельность без каких-либо предварительных условий или вмешательства.

Давайте же возьмем на себя соответствующую огромную ответственность — как коллективную, так и индивидуальную. Франция, как постоянный член Совета Безопасности, четко осознает свои обязанности. Мы не ослабим наших усилий, направленных на борьбу с безнаказанностью и полную ликвидацию сирийской программы химического оружия. Я призываю всех сделать то же самое и поддержать проект резолюции, представленный Соединенными Штатами, о продлении мандата Совместного механизма по расследованию. Давайте осознаем всю серьезность этого момента и сообща продемонстрируем нашу приверженность ценностям, документам и нормам, которые лежат в основе нашей коллективной безопасности. Этого требует чрезвычайная важность того, что поставлено на карту, и мы должны поступить соответствующим образом.

Г-н Абулатта (Египет) (*говорит по-арабски*): С 2011 года Египет внимательно следит за стремительным развитием событий, происходящих в контексте сирийского кризиса. С самого начала Египет придерживается твердой позиции в поддержку стремления сирийского народа к свободе и демократии, а также к обеспечению функционирования государственных институтов и территориальной целостности. В последние годы мы были потрясены масштабами разрушений, убийств и перемещений, которым подвергается сирийский народ. Мы выражаем глубокое сочувствие в связи с тем хаосом, который воцарился в Сирии, не говоря уже о беспрецедентном распространении террористических групп на Ближнем

Востоке, что создало угрозу для безопасности региона и всего мира.

Мы также с искренним сожалением отмечаем подтвержденный факт неоднократного применения химического оружия в Сирии. Мы выступаем против убийств и разрушений во всех формах и особенно осуждаем применение оружия массового уничтожения, которое является неизбирательным по своему характеру и наносит ущерб ни в чем не повинным гражданским лицам. Мы вновь самым решительным образом осуждаем использование химического оружия в Сирии любой из сторон. Поддерживаем необходимость привлечения к ответственности всех лиц, образований, сторон или органов, участие которых в этой преступной деятельности доказано.

Исходя из этой принципиальной позиции, Египет поддержал создание Совместного механизма по расследованию и недавно выступил в поддержку продления его мандата еще на один год. Наша позиция объясняется крайней заинтересованностью в укреплении концепции привлечения к ответственности и в выявлении фактов, связанных с сирийским кризисом. Цель нашей поддержки Совместного механизма по расследованию также состоит в содействии усилиям, направленным на то, чтобы противостоять серьезной угрозе, с которой миру еще предстоит справиться и которую, в частности, представляет собой стремительное распространение химического оружия, овладение им, его производство и использование на Ближнем Востоке, особенно негосударственными субъектами. Поэтому мы вновь заявляем о необходимости создания системы, способной сдерживать подобные действия этих субъектов, направленные на приобретение такого оружия или средств его производства. Важно противостоять опасности потенциальной передачи таких методов и оружия и его попадания в различные зоны конфликтов.

Мы с интересом следим за работой и докладами Совместного механизма по расследованию Организации по запрещению химического оружия — Организации Объединенных Наций, включая его седьмой доклад (S/2017/904, приложение). Мы принимаем к сведению представленную в докладе оценку нескольких сценариев, которые были рассмотрены в связи с инцидентом в Хан-Шейхуне на основе имеющихся у СМР средств с учетом сложных условий на местах, а также того факта, что Механизм начал свое расследование только через несколько месяцев после инцидента и не смог посетить место, где произошел

инцидент, поскольку оно находится под контролем террористической группы «Фронт ан-Нусра».

Я хотел бы повторить, что мы все осознаем трудности, сопряженные с расследованием на поле битвы. Действительно, мандат Механизма был разработан с учетом таких вызовов. Мандат четко определил задачу Механизма — выявить в максимально возможной степени тех, кто причастен к применению химического оружия в Сирии. Поэтому мы приветствуем работу, проделанную Механизмом в рамках его возможностей. Мы по-прежнему осознаем важность нахождения Советом наиболее эффективного способа для того, чтобы предоставить Механизму своевременный и максимальный доступ к месту инцидентов и, что еще более важно, обеспечить наивысшую степень нейтралитета в расследовании, а также гарантировать безопасность персонала Механизма.

Мы вновь призываем членов Совета попытаться сблизить свои позиции с помощью диалога, с тем чтобы можно было восстановить консенсус, который преобладал в Совете Безопасности по этому вопросу. Это крайне важно, поскольку в последнее время сирийский кризис характеризуется стремительно меняющимися событиями, требующими того, чтобы все мы поддержали политический процесс и «дорожную карту», изложенную в принятой Советом резолюции 2254 (2015).

Г-н Бэссё (Япония) (*говорит по-английски*): Я благодарю Высокого представителя по вопросам разоружения г-жу Идзуми Накамицу и главу Совместного механизма по расследованию (СМР) Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) — Организации Объединенных Наций г-на Эдмона Муле за их брифинги.

Применение химического оружия абсолютно неприемлемо в любых обстоятельствах. В этой связи в Совете Безопасности существует полное согласие, и оно разделяется всем международным сообществом. Тот факт, что химическое оружие неоднократно применялось в Сирии, что привело к многочисленным жертвам среди гражданских лиц, вызывает серьезную обеспокоенность и представляет собой вызов международному миру и безопасности.

Совет Безопасности играет важную роль в решении проблемы химического оружия в Сирии. Как отметила Высокий представитель Накамицу, 25 из 27 объектов по производству химического оружия

были уничтожены в соответствии с резолюцией 2118 (2013). Процесс проверки и уничтожения должен продолжаться на оставшихся двух объектах. В то же время мы также услышали от Высокого представителя, что сотрудничество со стороны сирийского правительства остается недостаточным. Как участник Конвенции по химическому оружию, а также в целях поддержания и укрепления режима нераспространения оружия массового уничтожения Япония призывает правительство Сирии конструктивно взаимодействовать с Организацией по запрещению химического оружия (ОЗХО).

В контексте вопроса о сирийском химическом оружии Совет создал важный инструмент, а именно СМР. Совет учредил СМР в 2015 году в соответствии с резолюцией 2235 (2015), поскольку в мандат миссии ОЗХО по установлению фактов не входило задачи по возложению ответственности за использование химического оружия. Хотя Япония в то время не являлась членом Совета, мы приветствовали начало работы СМР с целью привлечения к ответственности за применение химического оружия.

В соответствии с седьмым докладом Механизма, представленным г-ном Муле (S/2017/904, приложение), Япония признает, что Механизм в максимально возможной степени определил, что Сирийская Арабская Республика и «Исламское государство Ирака и Леванта» виновны в незаконном применении такого оружия. Япония по-прежнему испытывает доверие к экспертным знаниям, беспристрастности и профессионализму СМР, которые отражены в седьмом докладе.

Перед Советом стоят три основные задачи в отношении химического оружия в Сирии. Во-первых, продолжение подтверждения проверки и уничтожения объектов химического оружия. Во-вторых, предотвращение дальнейшего применения химического оружия. В-третьих, обеспечение ответственности за применение химического оружия и предотвращение безнаказанности. СМР имеет жизненно важное значение для выполнения этих трех задач, особенно последних двух. Иными словами, мы рассчитываем на продолжение работы СМР, с тем чтобы Совет мог выполнить свои собственные обязанности.

Япония принимает к сведению различные дискуссии по вопросу об укреплении или улучшении работы СМР. Мы считаем, что в случае необходимости Генеральный секретарь может сыграть определенную роль в выявлении любых возможных путей повыше-

ния эффективности его работы. В любом случае СМР должен продолжать свою деятельность, одновременно укрепляя свой потенциал.

К сожалению, применение химического оружия в Сирии продолжается, что было продемонстрировано недавно в докладе миссии по установлению фактов об использовании зарина в Латамне в марте этого года. До тех пор, пока не будут установлены все виновные, работа СМР должна продолжаться.

Г-н Садыков (Казахстан) (*говорит по-английски*): Я благодарю Высокого представителя по вопросам разоружения г-жу Идзуми Накамицу и главу Совместного механизма по расследованию (СМР) Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) — Организации Объединенных Наций г-на Эдмона Муле за их всеобъемлющие брифинги.

Вопрос о применении химического оружия в Сирии остается одним из наиболее актуальных вопросов в повестке дня Совета Безопасности, а также всего международного сообщества. Позиция Казахстана по этому вопросу остается твердой и последовательной: мы всегда выступали против применения любых видов оружия массового уничтожения в любых обстоятельствах и кем бы то ни было. Наша страна всегда поддерживала борьбу с такими злодеяниями, которые, к сожалению, по-прежнему совершаются в XXI веке.

Казахстан заинтересован в скорейшем урегулировании сирийского конфликта и считает, что любая конфронтация, связанная с применением химического оружия, препятствует достижению мира и стабильности в стране и регионе. Все доклады СМР, включая самый последний (S/2017/904, приложение), указывают на следующие важные моменты. Во-первых, применение химического оружия в Сирии продолжается. Это должно быть полностью прекращено и осуждено международным сообществом. Использование зарина, сернистого иприта и других ядовитых веществ было неопровержимо доказано миссией по установлению фактов Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) и СМР.

Во-вторых, ситуация, связанная с режимом распространения в Сирии, не только оставляет желать лучшего, но даже ухудшается, поскольку химическое оружие становится все более доступным и неконтролируемым. Вызывает серьезную озабоченность то, что все такие преступления могут оставаться безнаказанными. Международное сообщество должно

приложить все возможные усилия для предотвращения таких преступлений.

В-третьих, все вышеизложенное вновь продемонстрировало неспособность международного сообщества принять превентивные меры и выявить все случаи, связанные с применением химического оружия. Нам необходимо приложить усилия для сохранения и укрепления нашего потенциала в области расследования на основе надлежащих процедур и обоснованной методологии. В этой связи мы считаем важным и необходимым продолжать работу этого механизма и поддерживаем своевременное продление его мандата.

Что касается седьмого доклада СМР, то Казахстан еще изучает его содержание и сегодня днем мы можем высказать только наши первоначальные соображения. В отношении обоих расследованных инцидентов у нас есть ряд вопросов, по которым мы хотели бы получить дополнительные, более подробные разъяснения. В частности, в том, что касается инцидента в Умм-Хоше, было бы желательно получить более подробную информацию, подтверждающую участие в применении химического оружия одной группы, о которой говорится в докладе.

Что же касается инцидента в Хан-Шейхуне, то мы даем положительную оценку содержащемуся в докладе изложению многочисленных обстоятельств в попытке всесторонне отразить произошедшие там события. В докладе в полной мере доказано применение зарина и точно определена дата его применения и случаи отравления зарином местных жителей. СМР также проделал значительную работу по выявлению компонентов ядовитого агента зарина.

В то же время мы считаем, что выводы относительно причастности сирийских военно-воздушных сил к сбросу на территорию Хан-Шейхуна авиационной бомбы с зарином недостаточно убедительны. В этой связи мы привлекаем внимание к несоответствиям и противоречиям в информации, содержащейся в пунктах 14, 15, 26, 5, 30 и 31 доклада. Все приведенные в докладе неподтвержденные факты требуют дополнительных разъяснений и представления убедительных достоверных данных. Все это вызывает необходимость проведения дальнейшего расследования для прояснения реальной картины событий.

С другой стороны, мы положительным образом отмечаем, что Механизм не скрывает ряд замеченных в ходе расследования неувязок и расхождений.

Это касается, в частности, обстановки в больницах, где время регистрации пострадавших не соответствует времени фактического применения химического оружия, а также признанного в ходе сбора проб перекрестного загрязнения, что указывает на несоответствия в сборе доказательств. В докладе содержатся также и другие расхождения.

Мы продолжаем изучать этот доклад, но в то же время хотели бы еще раз заявить о необходимости дальнейшего проведения столь серьезного и важного расследования произошедших в Сирии инцидентов с применением химического оружия. Мы призываем к единству и надеемся на консенсусное решение Совета Безопасности о своевременном продлении мандата СМР.

Г-н Росселли (Уругвай) (*говорит по-испански*): Уругвай постоянно высказывает пожелание проводить, когда это возможно, большинство заседаний Совета в открытом формате. Именно поэтому мы особенно признательны председательствующей делегации за то, что она сделала сегодняшнее заседание публичным и открытым для всех государств-членов. Эта тема имеет первостепенное значение для всех нас. Мы рассматриваем не только регулярный ежемесячный доклад Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) по химическому досье Сирии (S/2017/916, приложение), но и такие темы, как завершение через несколько дней срока действия мандата Совместного механизма по расследованию (СМР) Организации по запрещению химического оружия-Организации Объединенных Наций и опубликование его седьмого доклада (S/2017/904, приложение).

Я благодарю заместителя Генерального секретаря и Высокого представителя по вопросам разоружения г-жу Идзуми Накамицу и руководителя Руководящей группы Совместного механизма по расследованию Организации по запрещению химического оружия-Организации Объединенных Наций г-на Эдмона Муле за их всеобъемлющие брифинги.

На протяжении двух лет, которые Уругвай пребывает в составе Совета Безопасности, мы самым решительным образом осуждаем любое применение токсичных химических веществ в качестве оружия в сирийском конфликте. Применение химического оружия, где бы это ни происходило, представляет собой серьезную угрозу международному миру и безопасности и грубое нарушение междуна-

родного права. В связи с этим мы еще раз заявляем о том, что лица, виновные в совершении таких отвратительных преступлений, должны быть привлечены к судебной ответственности.

Мы снова заявляем о том, что до тех пор, пока весь сирийский арсенал химического оружия, будь то объявленного или нет, не будет уничтожен или взят под гарантии не подлежащим никакому сомнению образом, сирийское химическое досье нельзя окончательно закрывать в Совете Безопасности. В этой связи мы призываем сирийские власти сотрудничать с Организацией по запрещению химического оружия в выявлении всех недочетов и расхождений в первоначально представленной ими декларации. От г-жи Накамицу мы услышали добрую новость о проведении инспекций на двух объектах, которые до недавнего времени были недоступны.

Две недели назад Совету не удалось достичь необходимого консенсуса относительно продления мандата СМР. Уругвай уверен, что в течение ближайших нескольких дней удастся достичь удовлетворительной договоренности о продлении его мандата по меньшей мере еще на год, что позволит ему дальше продвигаться в его работе с учетом того, что своего расследования ожидают еще десятки дел.

Вчера Миссия ОЗХО по установлению фактов в Сирийской Арабской Республике информировала нас о новом подтвержденном случае применения химического оружия 30 марта в деревне Латамна. Сообщается, что в этом случае была установлена весьма высокая вероятность того, что в отношении сирийского гражданского населения вновь был применен газ зарин. Так что у нас есть по меньшей мере еще один случай, подлежащий расследованию в предстоящие месяцы СМР в целях выявления виновных. К сожалению, наверняка, будут возникать еще и другие. Поэтому мы должны проявить твердость в своей убежденности в том, что СМР остается полезным и эффективным инструментом и что он должен продолжать проводить свои расследования до тех пор, пока ОЗХО не подтвердит полное отсутствие на сирийской территории случаев применения химического оружия.

Что касается седьмого доклада СМР, который был опубликован 26 октября, то мы принимаем к сведению его содержание и призываем всех членов Совета принять соответствующие меры и наказать тех, чья ответственность за эти инциденты установлена, то есть в отношении должностных лиц сирийского пра-

вительства и террористической группы «Исламское государство».

Со дня инцидента в Хан-Шейхуне мы утверждаем, что Уругвай не располагает никакой информацией, необходимой для выявления тем или иным образом виновных. Исходя из этого, мы выражаем свое полное доверие к серьезной, независимой, беспристрастной и объективной работе СМР, каковы бы ни были его выводы. Когда ее результаты уже представлены, мы вновь заявляем о нашей всемерной поддержке работы, проделанной г-ном Муле и всеми его коллегами. Мы полностью доверяем их нравственной стойкости, профессионализму и беспристрастности. Мы призываем их продолжать усилия по установлению истины и обеспечению торжества справедливости для жертв этих преступлений.

Мы должны не допустить повторения той ситуации, свидетелями которой мы стали в 2016 году, когда после представления третьего и четвертого докладов Совету не удалось достичь консенсуса, который позволил бы принять меры к тому, чтобы наказать виновных в этих отвратительных преступлениях. Кроме того, Совет потратил несколько недель на то, чтобы достичь договоренности о продлении мандата СМР, в результате чего СМР потерял шесть месяцев, прежде чем ему удалось возобновить свою деятельность. Эти шесть месяцев утрачены безвозвратно. Это было серьезным провалом Совета в том, что касается сирийского народа и норм международного гуманитарного права, но у нас еще есть время для того, чтобы не допустить повторения этого.

Г-н Сафронков (Российская Федерация): Я благодарю делегацию Италии за организацию сегодняшнего заседания именно в открытом формате, что позволяет нам донести позицию России по рассматриваемому сегодня вопросу до всех государств — членов Организации Объединенных Наций.

Благодарим г-жу Накамицу и г-на Муле за их брифинги.

Россия решительно осуждает применение химического оружия — где бы то ни было и кем бы то ни было. В целях поддержания международного режима нераспространения считаем важным устанавливать виновных и привлекать их к ответственности. Однако в работе существующих международных структур в контексте сирийского химического досье выявились системные недостатки. Результаты их следственных

действий по инцидентам с применением отравляющих веществ глубоко разочаровывают. Мандаты выполнялись избирательно, без использования всего арсенала методов и средств по высоким стандартам Конвенции о запрещении химического оружия, что предполагает, в первую очередь, отбор проб, опрос свидетелей и сбор доказательств непосредственно на месте происшествия.

Специалисты Миссии Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) по установлению фактов всю свою часть работы проделали дистанционно. Ее доклад (см. S/2017/567), изобилующий упущениями, нестыковками и противоречиями, — весьма посредственного качества. Не был соблюден основополагающий принцип обеспечения сохранности вещественных доказательств. Образцы проб получены на территории третьей страны. Нет уверенности, были ли они отобраны в Хан-Шейхуне или каком-то другом месте в Сирии и даже за ее пределами. Не прояснен ключевой вопрос о способе применения зарина — как он был доставлен на место происшествия.

Нас уверяли, что поездка в Хан-Шейхун была бы небезопасной, хотя зарубежные эксперты некоторых государств якобы побывали там на следующий день после химической атаки. Проблем не возникло даже с террористами «Джабхат ан-Нусры». Мы, кстати, просили западных коллег поделиться деталями своих расследований, чтобы специалисты могли вести предметный разговор, но наткнулись на глухую стену. Когда мы пригласили представителей Департамента безопасности Секретариата на консультации Совета Безопасности 4 октября, неожиданно выяснилось, что им в свое время удалось договориться о визите экспертов с группировками, контролирующими район Хан-Шейхуна. Напомним, что гарантии безопасности давал генеральный координатор Высшего комитета по переговорам сирийской оппозиции г-н Хиджаб в письме, распространенном в Совете Безопасности нашими английскими коллегами. Однако эксперты ОЗХО по неизвестным причинам до места инцидента так и не добрались.

Начались неубедительные ссылки на «силу науки», благодаря которой якобы все можно установить, не сходя с насиженного места. Только представьте ситуацию, когда какое-нибудь дело рассматривается в суде, и неожиданно выясняется, что следователи не побывали на месте преступления. С точки зрения судебной практики это был бы полный нонсенс.

Затем нам стали объяснять, что сирийская сторона представила результаты своего национального расследования, подтвердившие применение зарина. Все следственные линии, мол, сошлись воедино, поэтому Генеральный директор ОЗХО принял решение не разворачивать Миссию в Хан-Шейхуне. Западные коллеги впервые на нашей памяти стали дружно ссылаться на сирийское расследование.

Но позвольте: задача Миссии по установлению фактов не сводится только к установлению факта использования отравляющего вещества. В ее обязанности входит изучение всей доступной информации о возможном применении химического оружия в Сирии. Это черным по белому записано в резолюции Совета Безопасности 2209 (2015). Итог таков, что Миссии ОЗХО не удалось получить ключевые вещественные доказательства. Все выводы ее работы основывались на косвенных свидетельствах, подавляющее большинство которых было предоставлено оппозицией и всецело скомпрометировавшими себя неправительственными структурами, такими как «Белые каски», тесно связанные с террористами из «Джабхат ан-Нусры». Поэтому принимать на веру информацию от «Белых касок» — это, по меньшей мере, не совсем хороший тон.

Условия в сфере безопасности не могут быть использованы в качестве оправдания для отказа Миссии по установлению фактов от посещения авиабазы «Шайрат». Власти Сирии оперативно дали гарантии безопасного доступа к этому объекту и потребовали, чтобы визит был организован безотлагательно. Миссия ОЗХО по своему мандату имеет право доступа к любым районам, которые могли быть затронуты предполагаемым применением химического оружия. Однако ее руководство не посчитало необходимым взять в проработку версию о доставке боеприпасов с заринном сирийскими самолетами с авиабазы «Шайрат». А ведь на этом зыбком основании против суверенной Сирии 7 апреля был совершен акт вооруженной агрессии!

Мы неоднократно говорили, что объективность расследования по линии ОЗХО могла быть куда выше, если бы состав Миссии по установлению фактов во исполнение ее мандата был сформирован на широкой географической основе. А между тем доподлинно известно, что ключевые позиции в ней занимают представители вовлеченных в сирийский конфликт стран, враждебных Дамаску. Мы

не могли не обратить внимание в этой связи на то, что прямо перед сегодняшним заседанием Совета Безопасности Миссия по установлению фактов выпустила доклад по предполагаемому химическому инциденту в Аль-Латамне 30 марта — кстати, на основе уже знакомых дистанционных методов. Поразительное совпадение, при том что в течение полугода об этом эпизоде было мало что известно. Уже сейчас возникает ряд закономерных вопросов: кем и когда предоставлены пробы, кто и где проводил их отбор, как обеспечивалась их сохранность все это время, запрашивались ли сведения у властей в Дамаске и так далее. Сопутствующие обстоятельства заставляют думать, что данная история целенаправленно подверстывалась под сегодняшнее заседание Совета Безопасности.

Специалисты Совместного механизма ОЗХО-Организации Объединенных Наций по расследованию случаев применения химического оружия в Сирии (СМР) в Хан-Шейхун тоже не поехали. Такое решение было принято руководством Механизма, которое сочло, что в этом нет необходимости. Однако запрос в Департамент безопасности Организации Объединенных Наций все же для подстраховки направило — в октябре, когда с момента инцидента прошло полгода. Поездка СМР на авиабазу «Шайрат» после долгих раздумий состоялась. Но в чем заключалась ее добавленная стоимость, непонятно, поскольку отбор проб на наличие следов зарина в задачи экспертной команды не входил. Она была к этому готова, для этого имелись технические и кадровые возможности. Но делать этого не стала, поскольку не получила соответствующего указания руководства. А между тем выяснение, хранился ли на «Шайрате» зарин или нет, имело определяющее значение для установления виновных, то есть являлось прямой задачей Совместного механизма по расследованию (СМР).

Совокупность грубых ошибок следственных механизмов привела к тому, что вышедший 26 октября итоговый доклад СМР (см. S/2017/904, приложение) и его выводы не выдерживают никакой критики. Не случайно текст, в том числе в части анализа произошедшего в Хан-Шейхуне, изобилует оборотами «возможно», «вероятно», «можно предположить», «скорее всего». Уважаемый господин Муле, Вы действительно считаете такую терминологию допустимой в докладе по столь серьезному вопросу? Не лучше было бы честно доложить Совету Безопасности, что провести полноценное расследование СМР не в состоянии?

Российские компетентные ведомства провели скрупулезный научно-технический экспертный анализ доклада и по его результатам 2 ноября организовали открытый брифинг. Рекомендуем всем с ним ознакомиться. Основные тезисы таковы.

Доказательная база виновности Сирийской Арабской Республики строится на версии о том, что авиационная бомба с заринем была сброшена с пролетавшего неподалеку от Хан-Шейхуна военного самолета, анализе воронки от взрыва и определении химического состава зарины с места происшествия. Однако выводы Механизма несостоятельны. В докладе не удалось представить убедительных свидетельств ни по средству доставки, ни по типу боеприпаса, ни по способу распыления зарины.

Приведу технический анализ нашего скрупулезного изучения доклада. Согласно используемой СМР фактической линии движения Су-22 сирийских ВВС, предоставленной ведомой США коалицией, Хан-Шейхун оставался в стороне от этого маршрута и располагался параллельно по отношению к нему. Никаких маневров самолета зафиксировано не было. В этих обстоятельствах бомбометание, если отталкиваться от версии СМР, должно было осуществляться не строго по курсу самолета (прицеливание с использованием неуправляемого боеприпаса осуществляется только посредством вывода самолета на курс строго на цель), а вбок, под углом чуть ли не под 90 градусов.

Господин Муле, почему Механизм решил, что это технически возможно? Если маневр все же был совершен, хотя радары это не зафиксировали, то, учитывая радиус разворота и захода на цель, Су-22 неминуемо должен был пролететь над населенным пунктом, причем на повышенной тяге – со значительным шумовым эффектом. Между тем, согласно докладу СМР, ни один из свидетелей непосредственно над городом боевой машины не видел. Российские специалисты наглядно, с помощью расчетов и графиков, показали, что для нанесения авиаудара по Хан-Шейхуну не имелось технических возможностей. Почему СМР не обратился за консультацией к России с учетом того, что самолет произведен в нашей стране? Тогда все фантазии, связанные с траекторией полета, отпали бы сами собой.

Проблема в том, что руководство СМР с самого начала рассматривало авиационную версию происшествия в Хан-Шейхуне в качестве основной, если

не единственной. Все, что в нее не вписывалось, за ненадобностью отбрасывалось. При этом версию о постановочном характере инцидента Механизм проигнорировал — мол, никто не видел, чтобы кто-то готовил наземный подрыв взрывного устройства. Можно ли воспринимать всерьез такую аргументацию в таком важном следственном процессе? Кто же будет осуществлять подобную провокацию в присутствии свидетелей?

По информации из социальных сетей, в распоряжение Миссии по установлению фактов поступили фрагменты боеприпаса, якобы найденного в воронке. Г-н Муле, проводил ли СМР анализ металлических осколков на предмет определения типа стали и ее возможного использования для производства боезарядов? Широко известно, что для создания такого типа боеприпасов повсеместно применяется углеродистая сталь. Если да, то почему в докладе не представлены эти данные? Если нет, то откуда однозначный вывод о «химической бомбе»? Из какого материала, по оценке СМР, сделана смятая труба в воронке, которая заметна на фотографиях, и какое отношение она имеет к авиабомбе?

Теперь о воронке. В случае сброса химической авиабомбы с бинарным заринем в ней или возле нее обязательно должны были остаться смеситель, в котором соединяются два компонента синтеза зарины, и элементы хвостового оперения. Ничего подобного найдено не было. Г-н Муле, почему в воронке отсутствует входной канал, который неизбежно образуется при попадании авиабомбы? Как можно было сделать вывод о падении авиабомбы, если воронка имеет не эллипсовидную, а скорее прямоугольную форму? Согласно всем учебникам по взрывному делу, она характерна для подрыва заряда, находящегося в горизонтальном статичном положении. Этому соответствует и распространение нагара на поверхности асфальта. Края воронки не вывернуты наружу, а следы выброса грунта отсутствуют, что свидетельствует о том, что в момент взрыва боеприпас находился на поверхности асфальта. Воронка, кстати, была забетонирована вскоре после инцидента, что очень похоже на уничтожение улик.

СМР в рамках своей работы заказал специальное лабораторное исследование, в ходе которого был найден компонент-примесь, сохраняющийся после образования бинарного сирийского зарины из прекурсора DF. Г-н Муле, хотелось бы знать, в какой концентрации и на каких стадиях этот компонент присутствует,

а также проводилась ли проверка вероятности присутствия этой микропримеси в DF при любом другом процессе, где используется DF в качестве исходного компонента для производства зарина? Наша оценка такова, что обнаруженные в образцах примеси нельзя отнести к категории уникальных маркеров, характерных исключительно для сирийской бинарной технологии получения зарина. Кроме того, существует возможность преднамеренного синтеза DF и зарина по известному сирийскому «рецепту». Химикаты могли быть произведены где угодно для намеренного компротетирования властей Сирии, а такая версия, как мы понимаем, не рассматривалась. Не анализировалась также возможность кустарного производства примененного в Хан-Шейхуне зарина. А об этом может свидетельствовать наличие в образцах определенных веществ. Г-н Муле, Вы в самом деле считаете, что помимо самих сирийцев никто не в состоянии произвести зарин на основе известной специализированной рецептуры, установленной в результате анализа? Если да, то почему?

Г-н Муле, проводил ли СМР химический анализ проб, отобранных из воронки, на наличие следов взрывчатого вещества, приведшего к выбросу зарина, и его идентификацию? Если нет, то по какой причине? Ведь это самый логичный способ определить природу боеприпаса, взрыва как такового и способа распыления зарина.

Обращают на себя внимание сделанные непосредственно после химического инцидента визуальные материалы, на которых изображены люди без специальных средств защиты, суетящиеся вокруг воронки. Представители «Белых касок» используют респираторы и хлопчатобумажные перчатки, не предохраняющие от действия зарина, и нормально себя чувствуют. Это доказывает отсутствие зарина в воронке, ведь при разрыве химического боеприпаса вблизи воронки создается смертельная концентрация отравляющего вещества. Есть основание предполагать, что вначале на земле был осуществлен подрыв боеприпаса, затем «Белые каски» провели известную видеосъемку и лишь после этого в воронку был внесен зарин. При этом «Белые каски» известили о возможном применении химического оружия еще до того, как сирийские самолеты вылетели с авиабазы «Шайрат».

Г-н Муле, проверял ли СМР информацию, откуда «Белые каски» об этом узнали? Почему этому факту почти не было уделено внимания при подготовке

выводов Механизма? Доклад обходит стороной одно очень важное обстоятельство. В апреле уважаемая Постоянный представитель Соединенных Штатов демонстрировала в Совете Безопасности фотографии сирийских детей, якобы погибших от отравления заринном. На них видно, что зрачки у детей сильно расширены, тогда как под воздействием зарина должны были сузиться до размеров булавочной головки. Мы просили Миссию по установлению фактов и СМР объяснить это противоречие, но они от этого уклонились. В докладе отмечается, что в 57 из 247 случаев пострадавшие прибыли в лечебные учреждения еще до того, как произошел инцидент. Это каждый четвертый предполагаемый пациент, что исключает фактор небрежности в оформлении документации вследствие суеты. В Механизме, однако, решили этим вопиющим несоответствием пренебречь, «втискивая» имеющиеся свидетельства в прокрустово ложе одной-единственной несостоятельной версии с авиабомбой. Г-н Муле, 57 человек — не слишком ли много, чтобы все списать на технические ошибки регистратур?

Мы не подрываем авторитет СМР, а просто оперируем фактами и аргументами по итогам, повторяю, нашего скрупулезного научно-технического изучения выводов доклада. Убедены, что Механизм, облеченный столь высокой ответственностью, не может продолжать работу в таком ключе. Без коренной перестройки он останется слепым орудием для сведения политических счетов с властями Сирийской Арабской Республики. Сейчас складывается именно такая репутация, и это недопустимо. Мы же, предлагая продлить мандат СМР, стремимся к повышению его эффективности и усилению в соответствии с высокими стандартами Конвенции по запрещению химического оружия. На это нацелен разработанный нами проект резолюции, к которому, как мы надеемся, коллеги по Совету Безопасности подойдут с конструктивных и неполитизированных позиций.

В то время как некоторые продолжают упорно гоняться за мифическим химическим оружием Дамаска, в регионе нарастает реальная угроза химического терроризма. Адекватный ответ на неё из-за неконструктивной позиции отдельных столиц выработать не удастся, несмотря на представленный нами вместе с Китайской Народной Республикой проект резолюции. СМР в этом плане не сделал ничего, хотя антитеррористическая направленность его работы была задана Советом Безопасности при продлении мандата в прошлом году. Химическая тема продол-

жает раскручиваться для нагнетания напряжённости вокруг Сирии. Таким образом, в результате безответственности международных игроков феномен химического терроризма может сдетонировать и за пределами Ближнего Востока.

В заключение хотел бы сказать, что, когда мы с американскими коллегами вместе создавали Совместный механизм по расследованию, мы руководствовались задачей устранить серьёзную брешь в международном инструментарии в отношении таких вопросов, как расследование случаев применения химического терроризма, в том числе рассматривая такой механизм как превентивный, сдерживающий. Пока, к сожалению, этого не получается. Сказанное сегодня г-ном Муле задевает даже самое изобретательное воображение. Только вслушайтесь. Я вынужден процитировать:

(говорит по-английски)

«Механизм не выявил конкретных субъектов в правительстве и институтах Сирийской Арабской Республики, ответственных за произошедшее. Судя по характеру и материально-техническому обеспечению операции, в ней мог бы принимать участие целый ряд субъектов из различных областей».

(говорит по-русски)

То есть получается, что Вы в свой доклад сегодня включили тезис о том, что в отношении ответственности Сирийской Арабской Республики Вы не установили виновных ни внутри правительства, ни внутри его институтов. Но в то же время природа и логистика операций могли бы вовлекать целый ряд игроков из разных областей. Это что, доказательство? И в результате написали, что вину несет Сирийская Арабская Республика — целое государство.

Должен заметить, что следует извлекать уроки из истории. В данном виде Механизм является серьёзным шагом назад даже по сравнению с усилиями Специальной комиссии Организации Объединённых Наций по Ираку. Там г-н Бликс и г-н эль-Барадей твердо держались за доказуемые факты и не позволяли себе сбиваться на предположения, которые я только что процитировал из Вашего же собственного выступления.

Поэтому еще раз хочу подчеркнуть, что российский проект резолюции направлен на исправление этих систематических ошибок.

Г-н Аллен (Соединенное Королевство) *(говорит по-английски)*: Позвольте мне выразить признательность нашим докладчикам за представленные сегодня во второй половине дня четкие разъяснения по фактам. Я хотел бы поблагодарить главу Руководящей группы и в его лице — всех ее сотрудников за их самоотверженную, беспристрастную и экспертную работу на протяжении последних пяти месяцев по расследованию случаев применения химического оружия в Сирии.

Как мы ясно слышали сегодня, эти расследования позволили прийти к четкому и недвусмысленному выводу. Сирия, будучи одним из государств — членов Организации Объединённых Наций и участником Конвенции о химическом оружии, применила химическое оружие против собственного народа. Применение такого оружия кем бы то ни было и где бы то ни было является неприемлемым, и мы осуждаем подобные действия как со стороны сирийского режима, так и ДАИШ. Это оружие, которое 190 государств решили объявить вне закона, оружие, которому нет места в современном мире.

Однако мы это уже проходили. В прошлом году Совместный механизм по расследования (СМР) сообщил нам о совершении сирийским режимом трех нападений с использованием отравляющего газа и о применении ДАИШ сернистого иприта. Однако некоторые члены Совета усомнились в результатах расследования, которое они сами же и организовали и методологию которого сами же и утвердили. В феврале на действия Совета было наложено вето.

В настоящее время мы располагаем еще одним докладом, представленным уполномоченными Советом независимыми экспертами Организации Объединённых Наций. В докладе изложен четкий вывод: 4 апреля в Хан-Шейхуне сирийский режим использовал зарин против своего собственного народа — всего через пять недель после того, как Россия не позволила Совету принять меры в связи с применением Сирией химического оружия.

Совместный механизм по расследованию сделал все, о чем мы как члены Совета просили его. Он сделал это тщательным, беспристрастным и профессиональным образом, и сегодня, когда он представил свои выводы, мы должны выступить единым фронтом и осудить применение химического оружия со стороны ДАИШ и нападение, совершенное на Хан-Шейхуне сирийским режимом.

Мы должны привлечь виновных к ответственности, но накопленный на сегодняшний день опыт показывает, что мы не сможем это сделать. Россия продолжает отрицать произошедшее. С момента нападения, совершенного апрельским утром, Россия выдвинула ряд противоречивых гипотез и утверждений, меняя свою позицию каждый раз, когда очередная из них оказывалась не соответствующей действительности, стремясь помешать Совету привлечь режим Асада к ответственности.

Перед лицом доказательств и фактов Россия оперировала ничем иным, как выдумками и небылицами, и не представила никаких подтверждений своих утверждений. Следователи изучили доказательства. В своем докладе они разъяснили, насколько тщательно подошли к выполнению своей задачи; каким образом получили информацию от 12 государств-членов, включая сам сирийский режим; каким образом они подтвердили научным образом достоверность полученной информации; и каким образом провели консультации с многочисленными экспертами и учеными.

СМР пришел к своим выводам не на основе какого-либо одного доказательства. Напротив, он выстроил свою позицию по всей совокупности имеющихся в его распоряжении доказательств, что характеризует любое профессиональное рациональное расследование. И эти выводы ясны: самолеты сирийских военно-воздушных сил находились вблизи Хан-Шейхуна 4 апреля в период между 6 ч. 30 м. и 7 ч. 00 м. — в тот момент, когда на город были сброшены боеприпасы. Воронка, из которой распространялся зарин, образовалась в результате сброса 4 апреля авиабомбы, и, что наиболее показательно, в зарине, обнаруженном на месте происшествия и предоставленном в виде проб сирийским режимом, был найден тот же уникальный — я повторяю: уникальный — «химический след», обнаруженный в химических веществах, переданных сирийским режимом Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) в 2014 году.

Представитель России заявляет о том, что зарин можно легко произвести, в том числе в кустарных условиях. Я хотел бы попросить г-на Муле пояснить, насколько сложным является процесс создания зарина, оставляющего точно такой же «химический след», как и зарин, имеющийся в распоряжении сирийского режима.

В 2013 году Россия обещала миру, что Сирия откажется от всех своих запасов химического ору-

жия. Сегодня в ущерб народу Сирии и международному консенсусу в отношении химического оружия это обещание остается невыполненным, а Россия продолжает защищать Асада и его режим.

Поэтому я призываю всех членов Совета продлить срок действия существующего мандата СМР, который представил свои тщательные и убедительные выводы, обсуждаемые нами сегодня. Многое еще предстоит сделать. Недавно Миссия ОЗХО по установлению фактов представила доказательства возможного применения зарина в близлежащем Латамнехе 30 марта.

Мы должны поддержать СМР и дать ему возможность выполнять свою важную работу. Распространение сегодня Россией проекта резолюции не стало решительной попыткой обеспечить продление его мандата. Это циничная уловка, призванная дискредитировать профессиональный, независимый и беспристрастный орган. Россия пытается «убить гонца», чтобы скрыть преступления сирийского режима.

Обращаясь к правительству Сирии, я хотел бы заявить о том, что доказательства совершенных им бесчеловечных преступлений тщательным образом собраны. Сейчас Россия защищает Сирию, однако настанет день, когда она будет призвана к ответу за свои действия в соответствии с международным правом и в отношении ее жертв будет восстановлена справедливость, которой они заслуживают.

Не может быть никакой компромиссной позиции в Совете Безопасности по вопросу химического оружия. Мы должны осуждать применение такого оружия в Сирии и поддерживать деятельность Совместного механизма по выявлению виновных лиц. В противном случае мы, по сути, будем потворствовать этим возмутительным нападениям и подрывать международную архитектуру, которую мы все коллективными усилиями разработали в целях их пресечения.

Г-н У Хайтао (Китай) *(говорит по-китайски)*: Я хотел бы поблагодарить Высокого представителя Накамицу и г-на Муле за их брифинги.

Позиция Китая по вопросу о химическом оружии является четкой и последовательной. Мы решительно выступаем против применения химического оружия любым государством, организацией или лицом в любых целях и при любых обстоятельствах. Китай глубоко обеспокоен в связи с использованием химического оружия в Сирии и решитель-

но его осуждает. Китай поддерживает Совместный механизм по расследованию Организации по запрещению химического оружия — Организации Объединенных Наций в его деятельности по расследованию соответствующих инцидентов на основании обстоятельного, объективного и беспристрастного подхода. Расследование должно базироваться на надежных данных и приводить к выводам, которые могут выдержать испытание временем и основаны на поддающихся проверке фактах.

Китай принимает к сведению доклад, который был недавно представлен Механизмом (S/2017/904, приложение). Мы также отмечаем, что в связи с тем, что после инцидента прошло слишком много времени и по соображениям безопасности Механизм принял решение не проводить расследования на местах в Хан-Шейхуне и Умм-Хоше. Некоторые члены Совета выразили надежду на то, что Механизм будет совершенствовать свою методологию и улучшать проведение расследований на местах, а также скорректирует свой мандат. Между членами Совета существует консенсус в отношении осуждения нападений с применением химического оружия в Сирии, а также необходимости расследования соответствующих случаев. Членам Совета следует и далее последовательно проводить переговоры по вопросу о методологии и мандате Механизма и стремиться к выработке единой позиции. Это поможет нам установить истину, которая скрывается за этими нападениями, привлечь виновных к ответственности и предотвращать будущие нападения с использованием химического оружия в Сирии.

Политическое урегулирование является единственным решением сирийской проблемы. Благодаря совместным усилиям всех участников международного сообщества имеется позитивная динамика для достижения политического урегулирования сирийского вопроса. Только что завершился последний раунд диалога в Астане, и в конце ноября начнется новый раунд мирных переговоров в Женеве.

Политическое урегулирование сирийского вопроса вступило в новый и важный этап. Китай призывает членов Совета Безопасности сосредоточиться на общей картине поддержания сирийского политического процесса и сохранять единство по вопросу о применении в Сирии химического оружия, с тем чтобы создать условия, позволяющие всем сторонам в Сирии оперативно достичь в рамках Женевских переговоров решений, приемлемых для

всех сторон, и в то же время играть конструктивную роль в деле всеобъемлющего, беспристрастного и надлежащего урегулирования сирийского вопроса в кратчайшие возможные сроки.

Г-н Инчаусте Хордан (Многонациональное Государство Боливия) (*говорит по-испански*): Мы признательны заместителю Генерального секретаря и Высокому представителю по вопросам разоружения г-же Идзуми Накамицу за проведенный брифинг. Мы также признательны руководителю Совместного механизма по расследованию Организации по запрещению химического оружия — Организации Объединенных Наций г-ну Эдмону Муле за его брифинг, а также за письмо Генерального секретаря (S/2017/916, приложение).

Боливия вновь выражает свою твердое и решительное осуждение применения химического оружия и химических веществ в качестве оружия. Это ничем не оправданное и преступное деяние, независимо от того, где, когда и кто бы его ни совершил, и оно является серьезным нарушением международного права и представляет угрозу международному миру и безопасности. Мы согласны с утверждением Генерального секретаря, содержащимся в его письме от 30 октября, о том, что «оправдания его использованию нет и быть не может независимо от обстоятельств и от того, кто его применяет» (S/2017/916, *стр.* 2). Мы подтверждаем необходимость сохранения единства Совета для обеспечения привлечения к ответственности тех, кто применяет химическое оружие, с тем чтобы они не остались безнаказанными.

Мы принимаем к сведению брифинг, проведенный 3 октября для государств-участников Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО), о предполагаемом использовании химических веществ в мухафазе Хама и присутствии остаточного зарина и подобных ему веществ. В этой связи мы вновь заявляем о том, что ОЗХО, ее миссия по установлению фактов в Сирийской Арабской Республике и Совместный механизм по расследованию ОЗХО — Организации Объединенных Наций должны выполнять возложенные на них задачи и осуществлять свою работу на максимально объективной, методичной, технической, надежной, пользующейся поддержкой и, что особенно важно, деполитизированной основе путем проведения независимого, беспристрастного, полного и позволяющего сделать окончательные выводы расследования.

Что касается мандата Совместного механизма по расследованию, то мы вновь заявляем о том, что его следственная работа имеет важное значение и поэтому его мандат должен быть продлен, с тем чтобы обеспечить непрерывное проведение расследований. В настоящее время проводится 60 таких расследований, и они должны осуществляться объективно и беспристрастно. Должны проводиться поездки в места, где произошли инциденты, при условии предоставления базовых гарантий безопасности, с тем чтобы добиться ожидаемых результатов.

Мы считаем, что вопрос о возобновлении мандата должен быть полностью деполитизирован, целостность и независимость Механизма должны быть сохранены, цель, для которой был учрежден Механизм, должна уважаться в приоритетном порядке, и должны быть установлены конкретные сроки и четкая методология работы Механизма.

И наконец, Боливия будет продолжать изучение доклада (S/2017/904, приложение) и его сферу охвата. Мы еще раз заявляем о необходимости сохранения единства в Совете для обеспечения непрерывности работы Механизма.

Г-н Алему (Эфиопия) (*говорит по-английски*): Я благодарю Высокого представителя Идзуми Накамицу и главу Совместного механизма по расследованию (СМР) Организации по запрещению химического оружия — Организации Объединенных Наций г-на Эдмона Муле за их соответствующие брифинги о докладах, представленных Организацией по запрещению химического оружия (ОЗХО) (S/2017/916, приложение) и Совместным механизмом по расследованию ОЗХО — Организации Объединенных Наций (S/2017/904, приложение), которые мы обязаны очень серьезно и добросовестно изучить и проанализировать. Мы высоко оцениваем все усилия, которые были предприняты для проведения расследования в связи с применением химического оружия в Сирии, а также для выявления тех, кто несет ответственность за это тяжкое преступление.

Мы уже не раз выражали свою позицию по этому вопросу. Применение химического оружия любыми субъектами — как государственными, так и негосударственными — это не только гнусное деяние, но также грубое нарушение международного права и серьезная угроза для международного мира и безопасности. Продолжающееся применение химического оружия в Сирии, действительно, вызывает серьезную обеспокоенность, как подтвержда-

ется в последнем докладе миссии ОЗХО по установлению фактов в Сирийской Арабской Республике (S/2017/905, приложение) в отношении инцидента в Лтамене, и мы, присоединяясь к другим членам Совета, вновь выражаем свое самое решительное осуждение этих ужасных и чудовищных актов. Именно поэтому мы поддерживаем всяческие усилия по привлечению виновных в совершении этих отвратительных преступлений к ответственности на основе надежных и убедительных доказательств. В этой связи мы благодарим Совместный механизм по расследованию за его содержательный доклад.

Позвольте мне с самого начала заявить, что мы с огромным уважением относимся к Механизму и его Руководящей группе. Мы понимаем, что Механизм работает в крайне сложных условиях ввиду весьма непростой политической обстановки и разнообразных соображений в плане безопасности, что справедливо отмечено в его докладе и что также подчеркнул сегодня помощник Генерального секретаря Муле. Мы уважаем и ценим все усилия и приверженность Руководящей группы выполнению ее сложных обязанностей, невзирая на эти трудности, в том числе серьезные временные ограничения, в которых приходилось работать ее сотрудникам. Поэтому совершенно несправедливо ожидать от нее абсолютно безупречной работы и результатов, которые не заставят членов Совета обращаться за дополнительными разъяснениями. Именно в этом духе мы попытались изучить доклад, который, несомненно, во многих случаях является весьма техническим и потому требует определенных технических знаний в этой сфере.

По сути, Механизм проявил крайнюю осторожность в своем анализе этой весьма непростой ситуации. В докладе указывается, что он подробно изучил две версии. Его выводы вытекают из данных расследований, однако Механизм осмотрительно избегает окончательных утверждений. К примеру, что касается воронки в Хан-Шейхуне, то, несмотря на то, что в докладе указывается, что воронка, «скорее всего, была вызвана ударом тяжелого предмета, двигавшегося с высокой скоростью, например авиационной бомбой» (S/2017/904, добавление, пункт 40), Механизм, тем не менее, добавляет, что он «не может исключить других причин образования воронки» (*там же*, пункт 49). Это имеет важное значение, несмотря на квалифицированное суждение, повторенное некоторое время тому назад помощником Генерального секретаря Муле, о том, что это маловероятно.

Кроме того, на основании видеозаписи, подлинность которой была подтверждена, СМР пришел к выводу о том, что сирийский самолет «4 апреля 2017 года между 06 ч. 30 м. и 07 ч. 00 м. [находился] в непосредственной близости от Хан-Шайхуна» (*там же, пункт 46 (b)*). Однако в том же докладе утверждается, что

«[н]а сегодняшний день Механизм не располагает конкретной информацией, подтверждающей или опровергающей утверждения о том, что самолет Су-22 ВВС Сирийской Арабской Республики, вылетев с авиабазы «Шайрат», нанес воздушный удар по Хан-Шайхуну» (*там же, п. 31*).

Кроме того, в докладе СМР указывается, что зарин, выпущенный в Хан-Шейхуне, по всей вероятности, был получен из первоначальных запасов Сирийской Арабской Республики. Однако в докладе также отмечается, что этот анализ «требует дальнейшего изучения» (*там же, пункт 45*).

Кроме того, в докладе — как в его аналитической части, так и в выводах — признается наличие несоответствий и расхождений. Некоторые из них являются потенциально важными, что признает СМР. По причине наличия этих и других несоответствий в самом докладе нам трудно, говоря откровенно и учитывая нашу подлинную заинтересованность, понять, каким образом СМР может быть уверен в том, что он завершил свою работу.

Разумеется, нам известно, что СМР не удалось посетить места нападений, в частности в Хан-Шейхуне. В его докладе признается, что было бы полезно посетить эти объекты, однако затем утверждается — как отметил помощник Генерального секретаря Муле на этом заседании — что риски в плане безопасности «перевешивают возможную пользу такой поездки для расследования» (*там же, пункт 15*). В нем также утверждается, что

«[в] случае улучшения обстановки и если будет определено, что расследование на месте позволит получить полезную новую информацию, такую поездку можно будет совершить в будущем» (*там же*).

Проблема заключается в том, что СМР уже сделал свой вывод, не посетив соответствующий объект, хотя, по его собственному признанию, это могло бы быть полезно для расследования.

Следует отметить, что помощник Генерального секретаря Муле заявил, что правительство Сирийской Арабской Республики эффективно сотрудничает с Механизмом. Это, в частности, касается посещения авиабазы «Шайрат» и изучения журналов учета и информации о полетах от 4 апреля 2017 года. Полученная информация, по всей видимости, не подтверждает вывод, сделанный впоследствии Механизмом, что вновь указывает на необходимость проведения дополнительной работы.

Вместе с тем важно проявить объективность по отношению к Механизму и Руководящей группе. Нельзя просить от них больше, чем они обещали сделать в соответствии с методом работы, изложенным в приложении I к его третьему докладу (S/2016/738/Rev.1). Ожидается, что они с максимально возможной долей уверенности определят виновных, и, возможно, не следует требовать соответствия их вывода стандарту наличия неопровержимых доказательств или даже существенных доказательств, однако, несомненно, было бы справедливо ожидать от них вывода, сделанного в соответствии со стандартом достаточности доказательств.

Безусловно, они проделали большую работу, и сделанные до сих пор выводы ни в коем случае нельзя отменять, однако они не являются окончательными. Работа продолжается, и в связи с этим следует воздать должное Руководящей группе. Мы сомневаемся, что какая-либо делегация может поставить под сомнение ее добросовестность, однако крайне трудно в настоящее время сделать вывод о том, что ее работа завершена. Работу необходимо продолжить.

Исходя из этого и из появления других новых дел, которые необходимо расследовать, мы убеждены в том, что крайне важно продлить срок действия мандата СМР, и мы надеемся, что нам удастся это сделать, преодолев разногласия в Совете по данному вопросу. Лишь на основе единства цели Совет сможет устранить угрозу применения химического оружия в Сирии и отреагировать на случаи его применения, а также предотвратить его дальнейшее применение любым из субъектов.

Г-н Скау (Швеция) (*говорит по-английски*): Прежде всего позвольте мне поблагодарить г-жу Накамицу и г-на Муле за их сегодняшние брифинги.

Прежде всего я хотел бы вновь заявить, что Швеция однозначно и самым решительным образом осуждает неоднократные случаи применения химического оружия в Сирии. Применение химиче-

ского оружия является незаконным, представляет собой угрозу для международного мира и безопасности и может быть приравнено к военным преступлениям или преступлениям против человечности. Нельзя допускать безнаказанность за нападения с применением химического оружия.

Я приветствую доклад Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) об осуществлении резолюции 2118 (2013) (S/2017/916, приложение). Швеция по-прежнему глубоко обеспокоена тем фактом, что ОЗХО до сих пор не смогла проверить первоначальное объявление Сирией своей программы по химическому оружию в силу ряда серьезных нерешенных вопросов. Мы высоко оцениваем продолжающиеся усилия группы по оценке объявлений. Настоятельно необходимо полное раскрытие информации и активное сотрудничество со стороны сирийских властей.

Мы глубоко обеспокоены выводами, содержащимися в последнем докладе Миссии по установлению фактов, в связи с еще одним нападением с применением зарина, совершенным 30 марта в провинции Идлиб, на этот раз в Лтамене. Мы ожидаем расследования Совместного механизма по расследованию ОЗХО-Организации Объединенных Наций (СМР) в отношении этого нападения. Совместный механизм по расследованию, единогласно учрежденный Советом, играет важнейшую роль в защите международной архитектуры разоружения и нераспространения. Мы заявляем о нашей полной поддержке СМР в соответствии с его мандатом по проведению объективных, беспристрастных и независимых расследований нападений с применением химического оружия в Сирии. Мы рассчитываем на профессионализм и технические знания экспертов СМР и его тщательный криминалистический анализ. Мы оказали финансовую поддержку СМР и направили в его состав своих технических экспертов, с тем чтобы он мог выполнять свою важную работу.

Мы благодарим г-на Муле и его сотрудников за их усилия и за их последний доклад о нападениях с применением химического оружия в Умм-Хоше и Хан-Шейхуне (S/2017/904, приложение). Эти отвратительные и неприемлемые нападения усугубляются целым рядом других случаев совершения ДАИШ и сирийским режимом международных преступлений в ходе конфликта. Нападения с использованием зарина в провинции Идлиб особенно отвратительны, поскольку они вызвали большое число жертв, в том числе среди детей и гуманитарных работников.

Использование боевого зарина указывает на то, что не все запасы прекурсоров зарина в Сирии были вывезены из страны или уничтожены в 2014 году, как это было предусмотрено.

Механизм выполнил тщательную работу, проводя все необходимые исследования и получив необходимые подтверждения, что отмечается в докладе. На этой основе он пришел к выводу о том, что ДАИШ несет ответственность за нападение в районе Умм-Хоша в сентябре 2016 года, а за нападение в Хан-Шейхуне в апреле 2017 года несет ответственность сирийский режим. Касательно нападения в Хан-Шейхуне Механизм утверждает, что только один из рассмотренных восьми возможных сценариев, выдерживает подробную техническую проверку с использованием научных методов и методов судебной экспертизы, и этот сценарий — сброс авиабомбы сирийскими вооруженными силами.

Мы отмечаем, что, помимо указания правительства и соответствующей террористической группы, Механизму не удалось представить никакой дополнительной информации о физических и юридических лицах, виновных в совершении, организации, спонсировании нападений или иным образом причастных к ним, а также о месте, откуда непосредственно были совершены нападения. Наша оценка технических и научных аспектов доклада Совместного механизма по расследованию еще не завершена.

В заключение позвольте мне кратко коснуться вопроса продления мандата СМР. Все члены Совета заявили о поддержке его цели. Как мы заявили на предыдущем заседании по этому вопросу (см. S/PV. 8073), СМР нужна стабильность и предсказуемость, с тем чтобы продолжать свою важную работу. Кроме того, важно предотвратить значительные расходы, которые возникнут в результате заминки при продлении мандата СМР.

Поскольку текущий мандат истекает всего через 10 дней, сейчас чрезвычайно важно выступить с единой позиции в целях его своевременного продления. В предстоящие недели Швеция продолжит делать все возможное, с тем чтобы обеспечить продолжение работы СМР и продление его мандата. Мы будем поддерживать все серьезные и реальные инициативы, направленные на достижение этой цели и готовы оказывать содействие усилиям по поиску пути продвижения вперед в данном вопросе.

Сирийский народ, ежедневно страдающий от жестокости конфликта, который продолжается уже более шести лет, заслуживает никак не меньшего.

Г-н Сек (Сенегал) (*говорит по-французски*): Делегация Сенегала хотела бы поблагодарить вас, г-н Председатель, за организацию этого брифинга для рассмотрения седьмого доклада (см. S/2017/904, приложение) Совместного механизма по расследованию Организации по запрещению химического оружия — Организации Объединенных Наций (СМР). Пользуясь случаем, благодарю г-жу Идзуми Накамицу и г-на Эдмона Муле за их содержательные брифинги и в их лице выражаю признательность всем мужчинам и женщинам, которые работают над установлением фактов для определения ответственности за, как всеми уже было сказано, неприемлемое использование химических веществ в качестве оружия против гражданского населения Сирийской Арабской Республики.

Как отмечалось ранее в этом зале, наша делегация вновь заявляет о своем решительном осуждении применения химического оружия в Сирии, в частности двух инцидентов, которые мы сегодня рассматриваем: в Хан-Шейхуне и Умм-Хоше, независимо от того, кто их совершил. Как государство-участник Конвенции о запрещении химического оружия и ярый поборник режима нераспространения химического оружия я, выступая от имени Сенегала, вновь заявляю о нашей убежденности в том, что ничто не может оправдать таких злодеяний, как применение химических веществ в качестве оружия против гражданского населения со стороны кого бы то ни было и при любых обстоятельствах.

Не только эти нападения, но и многочисленные и постоянные сообщения о случаях применении химического оружия в Сирии, описываемые в докладе и упоминаемые Миссией Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) по установлению фактов в Сирийской Арабской Республике демонстрируют — если нам вообще нужны еще какие-то доказательства, — насколько важно продолжение работы СМР, которая служит также средством сдерживания, поскольку риск попадания оружия массового уничтожения в руки негосударственных субъектов, таких как террористические группы, вполне реален. Это вызывает особую обеспокоенность у Сенегала.

От имени нашей страны, я хотел бы воспользоваться этой возможностью, чтобы поприветствовать конструктивное сотрудничество, в соответ-

ствии с резолюцией 2319 (2016), между Механизмом и другими вспомогательными органами Совета, в том числе с Комитетом, учрежденным резолюцией 1540 (2004), и Комитетом, учрежденным резолюциями 1267 (1999), 1989 (2011) и 2253 (2015) по ИГИЛ (ДАИШ), «Аль-Каиде» и связанным с ними лицам, группам, предприятиям и организациям. Сенегал приветствует также сотрудничество отдельных государств-членов с Механизмом в рамках его работы по проведению расследований.

Каких бы взглядов на рассматриваемый доклад мы ни придерживались, моя делегация считает, что между членами Совета Безопасности осталось еще достаточно точек соприкосновения, чтобы позволить нам продлить действие мандата Совместного механизма по расследованию, который истекает всего через 10 дней, о чем сидящий рядом со мной представитель только что напомнил Совету. Я хотел бы выразить надежду на то, что Совет вновь выступит в духе компромисса и консенсуса по этому чрезвычайно сложному техническому вопросу, как, например, в случае с принятием резолюций 2118 (2013), 2235 (2015) и 2319 (2016), которые позволили Совету добиться ощутимого прогресса в решении проблемы химического оружия в Сирии.

В любом случае, поскольку моя делегация убеждена не только в важности вклада СМР в установление истины в случае применения химического оружия в Сирии, но и в необходимости извлечь из этого правильные уроки, в частности в том, что касается глобальной архитектуры нераспространения, моя делегация вновь заявляет о своей глубокой признательности Механизму и выражает ему свою поддержку. Мы призываем Механизм продолжать свою важную миссию, которая заключается — и это следует подчеркнуть — в независимом, беспристрастном и объективном выполнении своего мандата, полученного в соответствии с резолюцией 2235 (2015) и продленного Советом Безопасности в его резолюции 2319 (2016). Важно напомнить, что мандат предусматривает выявление в максимально возможной степени лиц, организаций или правительств, которые совершают, организуют или приказывают использовать в качестве оружия химические вещества, в том числе хлор, зарин или любое другое отравляющее химическое вещество, в Сирийской Арабской Республике, или тех, кто причастен к этим деяниям в какой бы то ни было форме. Поскольку все согласны с тем, что химическое оружие в Сирии применя-

лось, и с учетом того, что существуют дополнительные, пока не подтвержденные сообщения такого же характера, Сенегал считает, что Совет Безопасности сможет достичь договоренности в отношении продления мандата СМР.

В заключение я хотел бы вновь подчеркнуть важность поиска политического решения конфликта в Сирии на основе Женевского коммюнике (см. S/2012/522, приложение) и резолюции 2254 (2015) как единственного возможного решения, которое позволит преодолеть серьезные гуманитарные проблемы, порожденные конфликтом, а также пролить свет на все многочисленные сообщения о применении запрещенных видов оружия в Сирии.

Председатель (говорит по-английски): Сейчас я сделаю заявление в своем качестве представителя Италии.

Прежде всего я хотел бы поблагодарить Высокого представителя по вопросам разоружения г-жу Накамицу и г-на Эдмона Муле за их брифинги. Они могут рассчитывать на полную поддержку Совета Безопасности в своей работе, имеющей решающее значение для поддержки международной архитектуры безопасности.

Мы благодарим Совместный механизм по расследованию Организации по запрещению химического оружия — Организации Объединенных Наций (СМР) за его седьмой доклад (см. S/2017/904, приложение), который является результатом расследования, проведенного в условиях крайне сложной обстановки в плане безопасности и серьезных ограничений. Италия поддерживает деятельность Совместного механизма по расследованию. Мы с большим уважением и доверием относимся к его профессионализму и независимости.

Италия глубоко обеспокоена выводами, содержащимися в докладе, поскольку они вновь подтверждают, что в Сирии применялось химическое оружие. На сегодняшний день СМР подтвердил информацию о четырех нападениях с применением химического оружия сирийскими вооруженными силами и двух таких нападениях, совершенных ДАИШ. Произошедшее в Хан-Шейхуне в апреле 2017 года и в Умм-Хоше в сентябре 2016 года является абсолютно неприемлемым и подтверждает ужасающие масштабы страданий, которые переживают люди в условиях сирийского конфликта. Мы осуждаем это самым решительным

образом. Эти инциденты являются трагическим напоминанием о том, что в Сирии нормы международного права, в том числе резолюции Совета Безопасности, а также международная архитектура нераспространения по-прежнему грубо нарушаются как со стороны правительства, так и со стороны террористов, что еще больше подрывает — как подчеркнул Генеральный секретарь в своем последнем докладе (S/2017/902) — запрет на химическое оружие.

Пока никто не привлекается к ответственности за эти действия, риск повторения подобных событий будет сохраняться и даже возрастать. Продолжают поступать сообщения о новых инцидентах, связанных с применением зарина, одно из которых было изучено Миссией Организации по запрещению химического оружия по установлению фактов и касается инцидента в Лтамене. Это является еще одной причиной того, почему борьба с безнаказанностью, выявление виновных и привлечение их к ответственности должны быть общими приоритетными задачами Совета. Это — еще одна причина продлить мандат СМР, срок действия которого в скором времени истекает.

Что касается осуществления резолюции 2118 (2013), то мы разочарованы тем, что недавние, состоявшиеся в сентябре консультации высокого уровня между ОЗХО и Сирией не позволили достичь какого-либо существенного прогресса. По мере того как глобальной архитектуре нераспространения продолжают угрожать чрезвычайно серьезные вызовы, Совет Безопасности обязан поддерживать целостность и авторитет этих важнейших и давно закрепившихся норм, связанных с нашей коллективной безопасностью, сохранять средства предотвращения и пути привлечения к ответственности в случае нарушений. Совместный механизм по расследованию ОЗХО-Организации Объединенных Наций является важнейшим инструментом в этом отношении, и две недели назад Италия полностью поддержала продление его мандата, учитывая необходимость сохранить его экспертный потенциал, защитить независимость и укрепить авторитет его расследований.

Мы готовы взаимодействовать с другими членами Совета в целях достижения консенсуса по столь насущному вопросу и хотели бы поблагодарить делегацию Соединенных Штатов за ее конструктивные усилия, направленные на достижение консенсусного решения, в том числе путем составления проекта резолюции, который, по нашему мнению, является

очень хорошей основой для проведения обсуждений, ведущих к сохранению единства Совета.

Сейчас я возвращаюсь к исполнению своих функций Председателя Совета.

Я предоставляю слово представителю Сирийской Арабской Республики.

Г-н Джаафари (Сирийская Арабская Республика) (*говорит по-арабски*): Г-н Председатель, я хотел бы поблагодарить Вас за организацию этого важного заседания. Мы хотели бы также поблагодарить наших коллег, которые четко указали на недоработки, имеющиеся в рассматриваемом докладе (S/2017/904, приложение).

Я хотел бы особо отметить заявление г-на Муле, сделанное в ходе его брифинга, о том, что его мандат и мандат Совместного механизма по расследованию Организации по запрещению химического оружия — Организации Объединенных Наций (СМР) на проведение расследования инцидента в Хан-Шейхуне не является политическим вопросом. Он заявил, что эта проблема не носит политический характер. Странное противоречие заключается в том, что в ходе того же брифинга г-н Муле высказал свое мнение о том, что применение химических веществ в Хан-Шейхуне является примером химического терроризма.

Я хотел бы задать г-ну Муле и членам Совета следующий вопрос: с каких пор химический терроризм считается строго техническим, а не политическим вопросом? Когда кто-то заявляет о том, что мандат СМР является исключительно технической частью работы, которую предстоит проделать в сложной политической обстановке, о чем говорил мой дорогой друг посол Эфиопии, — это все равно, что ленивые школьники утверждают о достаточности физического воспитания для достижения успехов в обучении и об отсутствии необходимости изучать другие предметы.

Какое право имеет СМР заявлять подобное с учетом той информации, касающейся использования террористическими группами химического оружия и его контрабанды, которую представило ему наше правительство, а до него — Миссии по установлению фактов, контртеррористическим комитетам, Комитету, учрежденному резолюцией 1540 (2004), и Совету Безопасности в целом, в 130 письмах о применении химического оружия и его контрабанде через соседние государства террористическими группами в Сирии? В течение ровно пяти лет, с 6 ноября 2012 года по 6 но-

ября 2017 года, мы направили 130 писем, из которых можно было бы составить книгу. Все эти письма касаются применения химических веществ вооруженными террористическими группами в нашей стране. А потом приходит г-н Муле и говорит, что все преступления, о которых мы ему предоставили информацию и в результате которых погибли тысячи сирийцев, являются не политическим, а исключительно техническим вопросом. Его брифинг свидетельствует о совершенном отсутствии у него понимания сложной политической обстановки в нашей стране. Мандат механизма не может носить сугубо технический характер. Представленные доказательства неубедительны.

Почти 500 лет назад Макиавелли — Ваш соотечественник, г-н Председатель, — сказал следующее: «Политика не имеет никакого отношения к морали». Это слова Макиавелли. Я могу представить, как он сегодня наблюдает за поведением правительств некоторых государств, которые заявляют о своей нравственности и называют себя гарантами соблюдения норм международного права и принципов Устава Организации Объединенных Наций, и одновременно проводят в жизнь политику, которая идет вразрез с этими же самыми благородными принципами, и ненадлежащим образом используют их для достижения своих деструктивных и интервенционистских целей. Я могу представить, как Макиавелли сегодня стоит в этом зале и наблюдает за поведением некоторых комитетов Организации Объединенных Наций, которые должны быть нейтральными, профессиональными и заслуживающими доверия, но, судя по их работе, являются предвзятыми, политизированными и безнравственными. Они преуспели в использовании ложных свидетелей, источников, которые они называют «открытыми», и сфабрикованных доказательств.

Так обстоят дела в Миссии по установлению фактов и Совместном механизме по расследованию, доклад которого мы сегодня обсуждаем. Я хотел бы прямо сейчас представить членам Совета научные и правовые доказательства того, что этот доклад не является ни нейтральным, ни профессиональным и что в нем содержатся ложные обвинения в отношении Сирии, основанные на сфабрикованных доказательствах и подтасованной информации. В нем используются хитрые замечания и двусмысленные заявления, которым нет места в докладе, призванном выдвинуть обвинения в совершении уголовных преступлений.

Давайте обратимся к докладу и посчитаем, сколько раз в нем употреблены такие слова, как «предположительно», «возможно» и «вероятно» при представлении научных доказательств, которые должны приводиться с уверенностью. Я экономлю время Совета. Такие слова, как «предположительно», «возможно» и «вероятно», употребляются в нем 32 раза. Несмотря на это, руководство СМР, не задумываясь, использовало слово «уверенный» в своих выводах, которые указывают на Сирию в качестве стороны, ответственной за инцидент в Хан-Шейхуне, несмотря на тот факт, что расследование носило пристрастный характер и в ходе его проведения три основных элемента любого уголовного расследования игнорировались и использовались в манипулятивных целях. В этой связи я хотел бы высказать следующие соображения.

Во-первых, в пункте 54 доклада Механизма отмечается, что Сирийская Арабская Республика не представила Механизму результатов внутреннего расследования, проведенного сирийским национальным комитетом. В этом пункте говорится именно так, и в этой связи я хотел бы задать непосредственно г-ну Муле, который безмятежно сидит рядом со мной, следующий вопрос. Какие же документы я ему лично передал во время встречи, которая у нас с ним состоялась в его кабинете 16 августа? В тот день, 16 августа, рано утром я в срочном порядке встретился с г-ном Муле в его кабинете по моей просьбе, чтобы передать ему копию доклада сирийского национального комитета о результатах расследования инцидента, имевшего место в Хан-Шейхуне. Я лично сказал ему, что он является единственным должностным лицом Организации Объединенных Наций, которое имеет копию этого доклада.

Во-вторых, в разных пунктах этого доклада отмечается, что город Хан-Шейхун и место преступления находятся под полным контролем Фронта «Ан-Нусра». В этой связи в докладе прямо говорится, что террористы Фронта «Ан-Нусра» сфабриковали доказательства и перевезли их в Турцию; что террористы из «Ан-Нусры», похоже, передали пробы французской, британской, турецкой и американской спецслужбам и дали ложные показания в турецком городе Газиантепе; и что террористы Фронта «Ан-Нусра» также организовали, сфальсифицировали, а потом сокрыли место преступления. В свете такой информации, как руководство Механизма может быть уверено в том, что выводы Механизма, которые основывают-

ся на так называемой «цепи обеспечения сохранности проб», не подтасованы Фронтом «Ан-Нусра», который Совет считает террористической организацией? Фронт «Ан-Нусра» является террористической организацией, между тем г-н Муле доверяет ей больше, чем сирийскому правительству.

В-третьих, в пункте 9 приложения II к докладу отмечается, что 21 марта Фронт «Ан-Нусра» и связанные с ним группы начали наступление на позиции войск Сирийской Арабской Республики в направлении города Хама. В докладе говорится, что 3 апреля сирийская армия восстановила контроль над утраченными районами и продвинулась вглубь территории. Это произошло за день до инцидента в Хан-Шейхуне, лишь за один день. В этой связи я спрашиваю у всех. Если сирийская армия одержала убедительные победы, как говорится в докладе, и стояла у ворот Хан-Шейхуна, который был под контролем террористического Фронта «Ан-Нусра», всего за один день до инцидента, зачем ей нужно было совершать преступление с предсказуемыми последствиями? Зачем ей нужно было использовать химические агенты? Кому в действительности это было на руку? Единственной стороной, которой это было выгодно, являются террористический Фронт «Ан-Нусра» и правительства государств, которые выдвигают обвинения в адрес сирийского правительства с целью сорвать продвижение сирийской армии на позиции террористов, которые мутировали в умеренных террористов, как их благодетели любят их называть. Кое-кто считает, что Фронт «Ан-Нусра» — это умеренная террористическая организация.

В-четвертых, почему Миссия по установлению фактов и СМР не побывали на месте преступления в Хан-Шейхуне? Можно ли расследовать преступление на расстоянии, как в виртуальной игре, не побывав на месте преступления? Давайте не будем забывать, как сказал мой коллега из Российской Федерации, что Департамент по вопросам охраны и безопасности Организации Объединенных Наций подтвердил возможность проведения такого визита. В этой связи я хотел бы напомнить, что практика отказа от посещения места преступления для Механизма далеко не нова. На сегодняшний день Организация Объединенных Наций так и не отреагировала на просьбу сирийского правительства от 22 июня 2013 года провести расследование преступления, которое террористические вооруженные группы совершили в Хан-эль-Асале, применив там химическое оружие, хотя бывший

Генеральный секретарь г-н Пан Ги Мун направил г-на Селлестрёма провести такое расследование. С тех пор прошло пять лет, — я повторяю, пять лет, — но инцидент в Хан-эль-Асале так и не расследован.

В-пятых, почему Фронт «Ан-Нусра», который контролирует Хан-Шейхун, поторопился закатать воронку асфальтом и почему он не сохранил место преступления в нетронutom виде? Если спонсорам этой террористической организации скрывать нечего, может быть, им было бы лучше содействовать расследованию и оставить место преступления в первозданном виде?

В-шестых, почему СМР не отобрал пробы на авиабазе «Шайрат», с которой, по утверждению администрации Соединенных Штатов, был нанесен удар с применением химоружия? Интересный парадокс состоит в том, что г-н Муле сам сказал мне, что он решил не ехать в Хан-Шейхун и что Механизм не имеет полномочий отбирать пробы на авиабазе «Шайрат». Я хочу задать членам Совета один важный вопрос: что могло заставить г-на Муле принять такие серьезные решения, подрывающие доверие к выводам Механизма? Все эти вопросы, вне всякого сомнения, вызвали бы у британца Альфреда Хичкока бурю негодования.

В-седьмых, в пункте 30 доклада отмечается, что Механизм получил информацию о том, что в 5 километрах от Хан-Шейхуна в воздухе находился самолет. В этом пункте также отмечается, что, по заключению эксперта, с которым проконсультировался Механизм, при совпадении ряда переменных, таких как высота, скорость и маршрут полета, авиабомба, сброшенная на указанном расстоянии, могла бы упасть на город. Хотя с технической точки зрения Су-22 не мог нанести удар по городу, если учесть маршрут полета, определенный Механизмом, эксперт, с которым консультировался Механизм, употребил коварные, вводящие в заблуждение и неубедительные слова. Он сказал, что такое возможно, то есть, что удар мог быть нанесен, и тут мы опять возвращаемся к категориям «возможно» и «невозможно», а Механизм поторопился принять этот вывод. Эксперт заявил, что такое возможно, а Механизм сразу же, без тени сомнения ухватился за такое предположение.

В-восьмых, в пункте 41 доклада говорится:

«Механизм также рассмотрел возможность того, что воронка была вызвана подрывом самодельного взрывного устройства. Хотя такая возможность не может быть полностью исключена...».

Не могло бы руководство Механизма объяснить, почему оно допускает возможность образования воронки от взрыва самодельного взрывного устройства и в то же время заявляет о своей уверенности в том, что эта воронка образовалась от взрыва авиабомбы? Как можно примирить эти два предположения? С одной стороны, оно говорит, что воронка могла образоваться от взрыва самодельного взрывного устройства и, с другой стороны, оно заявляет, что воронка образовалась от взрыва авиабомбы.

В-девятых, в пункте 45 доклада отмечается, что одним из доказательств, использованных для обвинений в адрес сирийского правительства, являются пробы, подтверждающие наличие химиката-прекурсора, известного как метилфосфонилдифторид (DF), взятого из первоначальных запасов Сирийской Арабской Республики. Я спрашиваю руководство Механизма: зачем оно так упорно пытается ввести в заблуждение читателей доклада, создавая впечатление, что эта проба столь же достоверна, как и проба ДНК, и что такой прекурсор может изготовить только сирийское правительство? Такой образец может изготовить любая специализированная лаборатория западных стран. Разве только сирийские ученые способны создать прекурсор DF? Разве он может быть изготовлен только в Сирии?

Я хотел бы напомнить членам Совета о том, что запасы химического оружия Сирии были уничтожены в Средиземном море на борту судна Соединенных Штатов “*MV Cape Ray*”. Поэтому вполне вероятно, что сторона, которая уничтожала эти запасы, сохранила их часть, поскольку она не может изготовить то, что могут наши ученые. Этот химикат DF является исключительно сирийским продуктом, который могут изготовить только сирийские ученые. Американцы ничего подобного создать не могут, поэтому вполне возможно, что они сохранили какую-то часть сирийских запасов, которые должны были уничтожить в Средиземном море. В вопросах химии американские ученые учатся у наших ученых.

В-десятых, разве отсутствие на месте преступления стабилизатора, о чем сообщается в пункте 58 доклада, не указывает на то, что какая-то сторона обработала место преступления, чтобы создать впечатление сброса авиабомбы? Механизм сам заявил, что «Отсутствие информации о том, в чьих руках находились эти останки боеприпаса, ослабляет доказательную базу» (S/2017/904, приложение, пункт 58). Однако это не помешало Механизму прийти к вы-

воду о том, что инцидент произошел в результате взрыва авиабомбы.

В-одиннадцатых, в пунктах 74–79 доклада Механизм отмечает, что собранная информация и показания свидетелей расходятся и что были приняты необычные и неправильные меры. Чтобы продемонстрировать масштабы манипуляций, окружающих этот инцидент, я приведу лишь один пример. В докладе отмечается, что

«В пробе за № 13 анализ крови дал отрицательный результат по зарину или веществу, подобному зарину, в то время как при анализе мочи был получен положительный результат по изо-пропил-метилфосфонату — продукту разложения зарина» (*там же*, пункт 78).

В докладе также говорится, что

«Медицинские эксперты, с которыми консультировался Механизм, заявили, что сочетание отрицательного результата по крови и положительного по моче невозможно» (*там же*).

Однако Механизм пришел к выводу о том, что такие пробы доказывают факт применения зарина. С научной точки зрения совершенно невозможно, чтобы зарин отсутствовал в крови и в то же время присутствовал в моче человека — это невозможно с медицинской точки зрения.

Несмотря на все эти противоречия, в докладе подтверждается, что руководство Механизма не приложило усилий для выявления их причин, хотя причина тут совершенно очевидна — подтасовывание доказательств и информации с целью выдвижения обвинений сирийскому правительству, как это было с выводами, сделанными бывшим руководством Механизма в его третьем и четвертом докладах. Содержащиеся в этих докладах неправильные выводы дали повод американской администрации для нанесения удара по авиабазе «Аш-Шайрат».

Я призываю членов Совета руководствоваться логикой и здравым смыслом и потребовать дать четкие и правдивые ответы на вопросы, которые я только что задал и которые также задали другие коллеги. Сирия вновь заявляет, что она выполняет Конвенцию о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении. С тех пор как Сирия перевыполнила свои обязательства по Конвенции в 2013 году, она не

обладает запрещенными токсичными химическими веществами, и этот факт в своем докладе, представленном Совету в июне 2014 года (S/2014/444, приложение), подтвердила г-жа Сигрид Каг, глава Совместной миссии Организации по запрещению химического оружия и Организации Объединенных Наций для ликвидации программы Сирийской Арабской Республики по химическому оружию.

Наша страна считает применение химического оружия безнравственным актом, который заслуживает осуждения, независимо от места, времени и обстоятельств его применения. Сфабрикованные в этом докладе выводы являются последней каплей, которая переполняет чашу и вскрывает истинные намерения спонсоров терроризма. Степень фальсификации этими спонсорами реальности и факты, изложенные в этом докладе, являются беспрецедентными и намного превосходят манипуляции, свидетелем которых Совет стал 5 февраля 2003 года (см. S/PV.4701).

Сегодня эта несостоятельная дипломатия вновь повторяется, только уже в ходе другой жалкой сцены, напоминая миру о сфабрикованных претензиях, выдвинутых государственным секретарем Пауэллом на заседании, в котором я лично участвовал в этом зале 5 февраля 2003 года, когда г-н Пауэлл представил доказательства, которые он назвал «... факты и выводы, основанные на надежных разведывательных данных» (S/PV.4701, стр. 6). Он употребил эти слова для того, чтобы оправдать агрессию, которую его страна совершила против Ирака под тем предлогом, что Ирак обладает оружием массового уничтожения. И действительно странно, что его коллега, государственный секретарь Керри, вернулся в этот зал 27 сентября 2013 года, чтобы вновь использовать точно такие же слова с целью ввести международное сообщество в заблуждение и оправдать агрессию, совершавшуюся в то время против Сирии (см. S/PV.7038). Государственный секретарь Керри произнес такие же слова, как и государственный секретарь Пауэлл. Создается впечатление, что этот синдром является исключительной собственностью каждой новой администрации Соединенных Штатов.

Позвольте мне сейчас подумать вслух и найти ответ на вопрос, который беспокоит каждого гражданина Сирии. Как долго сирийцы будут продолжать страдать от терроризма, который поддерживают правительства западных стран, считающие Организацию Объединенных Наций и Совет Без-

опасности железным кулаком для продвижения их интересов или коммерческих предприятий и для достижения их целей. Эти правительства, которые руководствуются законом силы, совершают всевозможные противоправные акты против сирийского народа и по-прежнему считают, что им дозволено убивать, разрушать, обманывать и манипулировать без малейшей ответственности перед судом.

Какой смысл в нашей Организации, если правительства этих государств продолжают использовать ее, чтобы выдвигать фальшивые доказательства и уничтожать целые государства, такие как Югославия, Ирак и Ливия; держать в осаде, морить голодом и убивать целые народы, как это делается в Палестине и Йемене; вводить незаконные санкции против стран, таких как Куба, Венесуэла и Иран; и вести грязную террористическую войну против нашей страны, Сирии. Этот перечень можно продолжать и продолжать.

В заключение хочу сказать, что террористическая война, развязанная против Сирии, на сегодняшний день уже обошлась правительствам, которые ее финансируют, в 137 млрд долл. США, этот факт признал один из их агентов, бывший премьер-министр Катара Хамад бен Джасем бен Джабер бен Мухам-

мад Аль Тани. Всего несколько дней назад он сказал прессе, что эта террористическая война была развязана в осуществление совместного плана, который объединил его страну с Саудовской Аравией, Турцией, Соединенными Штатами, Израилем и Иорданией. Для правительств этих стран Сирия и ее народ были просто добычей для стаи грызущихся гиен. Как сказал сам г-н Аль Тани, «мы боролись за добычу, а она в это время убежала».

Сирийская Арабская Республика отвергает доклад Совместного механизма по расследованию и по его форме, и по содержанию, поскольку он содержит обвинения в связи с ужасающим инцидентом, который имел место в Хан-Шейхуне. Наша страна не допустит того, чтобы ее тысячелетняя цивилизация стала охотничьей добычей или мишенью правительств, которые спонсируют терроризм. Мы будем продолжать бороться с терроризмом. Мы восстановим нашу страну. Мы реализуем чаяния наших граждан своей кровью, потом и слезами и с поддержкой наших друзей, которые уважают международное право и не приемлют никаких нарушений Устава Организации Объединенных Наций. Мы будем противостоять политике господства, которая поддерживает терроризм.

Заседание закрывается в 17 ч. 50 м.